

Михайловская дева

Автор:

[Лана Ланитова](#)

Михайловская дева

Лана Ланитова

Глаша и Владимир #4

«Михайловская дева» – это четвертый роман эротической серии о похождениях дворянина и аристократа Владимира Махнева.

Начало серии можно прочитать в романах «Глаша», «Царство прелюбодеев» и «Блуждание во снах».

Владимир Махнев – главный герой романа, сердцеед и развратник, волею судьбы попадает в ведомство демона прелюбодейя. Он и не ожидал, что новая жизнь в странном потустороннем мире, мире призраков, окажется столь необычной, полной сюрпризов и новых эротических приключений. На этот раз демон Виктор отправляет нашего героя в короткую, но полную неожиданностей жизнь молодой девушки, по имени Мария. Похоть, страх и мистические тайны сопровождают нашего сластолюбца в этих приключениях. Не отстают от Владимира и его товарищи по несчастью.

Книга изобилует откровенными эротическими и БДСМ сценами, содержит ненормативную лексику. Категорически не рекомендуется юным читателям в возрасте до 18 лет.

Лана Ланитова

Михайловская дева

Предисловие

Дорогие мои читатели, перед вами открыта четвертая книга из серии приключений сердцеда и ловеласа, дворянина Владимира Махнева. Предыстория ее изложена в романах «Глаша», «Царство прелюбодеев» и «Блуждание во снах».

В этот раз мы решили не повторять заново довольно объемное предисловие, изложенное в предыдущих романах. Ограничимся лишь кратким пояснением. Если вам понравилась эта эротическая серия о приключениях Владимира Махнева, Глаши и других её героев, то вы наверняка уже прочитали эти три романа. А если нет, то все в ваших руках.

Добавим от себя лишь то, что в этой, четвертой книге, вас ждут не менее увлекательные приключения уже знакомых вам героев. Коварству обаятельного демона, по имени Виктор, нет предела. И он готовит новые испытания для своих учеников.

Серия этих книг написана в жанре легкого фэнтези, мистики, приключений. Но главным действующим лицом здесь все также остается вездесущий Эрот. И если вы любите этот «легкий и одновременно сложный жанр», тогда вперед! На этих страницах нет места ханжеству. А от себя мы пожелаем вам приятного чтения!

Глава 1

«Предвкушение счастья красит девушку».

«Самая нужная вещь для девицы – уступать всем желаниям, которые внушает ей природа».

Донасьен Альфонс Франсуа де Сад.

Она проснулась от холода, от холода и странного движения, идущего откуда-то снизу. Обнаженной спины и ягодиц касались упругие и выпуклые волны. Кожа приминалась от прохладного и сильного скольжения – от лопаток к бедру и далее, плотно на живот, катилось нечто мускулистое и влажное. Схожее с каучуковым валиком. Она подняла голову и слабо шевельнула рукой. Пальцы ног уперлись во что-то живое и скользкое. «Господи, как холодно, – медленно подумала она. – Чем бы укрыться?» Она подвигала головой – невидимые волны оживились сильнее. Послышалось шипение. Справа и слева плотным кольцом высилась темная земляная стена. Она осторожно посмотрела вверх. Овал синееющего колодца обрамляла густая трава. Прямо над ней, высоко-высоко, висело ночное небо, покрытое яркими лохматыми звездами. Мертвенные лучи невидимого светила тонкими струями пробивались сквозь бурую бахрому травы.

«Где я? В могиле или на дне ямы?» – со страхом подумала она.

Попыталась сесть. В ответ на попытку незримое ложе еще сильнее заволновалось холодными волнами. Руки и живот опоясали плотные петли. Точно такие же петли шершавыми бугристыми веревками затянули щиколотки и с силой раздвинули ноги. Возле уха раздался мерзкий стрекочущий звук, похожий на звук трещотки. И тут до неё дошел весь ужас того положения, в котором она оказалась. Она лежала в яме, полной змей. Из рта вырвался слабый крик, но одна из рептилий шлепнулась ей на лицо и скользнула к раскрытым губам. Она не успела вдохнуть, как острый комок оказался в горле. Другая, толстая и скользкая змея, приподняв скуластую морду, взвилась возле раздвинутых ног. Секунда и она вползла в распахнутое лоно...

Дышать стало больно. Боль острым лезвием полоснула чрево. Она ощущала то, как медленно раздвигается ее женское естество. Шире и шире... Раздвигается от движения толстой, непрошеной гостьи. Страх железным обручем стянул голову. Несмотря на холод, она внезапно вспотела и затряслась.

Где-то наверху заухал филин. И какой-то неведомый зверь то ли каркнул, то ли прорычал на весь лес: «Ка-аа-аа-тька! Каа-аа-аа-тька!»

«Пропала Катька», – едва подумала она и потеряла сознание.

Когда очнулась, то поняла, что змеи пропали. А луна теперь освещала яму так ярко, что стали различимы все мелкие травинки и полевые цветы. Екатерина села. Вновь осмотрелась. Отчетливо запахло хвоей, рыхлой землей и ночными травами.

«Какое счастье, что змеи куда-то уползли. А если бы они меня ужалили? Где я? Я шла с Владимиром Ивановичем и другими мужчинами. Поле, танцовщица. А! Потом налетел какой-то вихрь. А далее? Я ничего не помню. Сразу эта яма. За что?» – Екатерина Дмитриевна Худова, мещанка из Тамбовской губернии, обняла собственные плечи и затряслась от плача.

Она плакала горько и безутешно. Ей было жаль саму себя и страшно от этого места, где она очутилась.

«А как же Мег? Куда она делась? Почему она бросила меня? За что?»

Надо было как-то выбираться из этой холодной ямы.

«Почему я голая? Хоть бы рубашку оставили... И где, интересно, я? Может, я на кладбище?»

Все эти мысли пронеслись, словно вихрь, вызвав приступы нового страха. Тело покрылось мурашками. Она утирала слезы прямо грязными пальцами. На зубах появился привкус земли и травы. Кое-как Катерина встала во весь рост. Оказалось, что яма не так глубока, как виделось это снизу. Край ямы заканчивался макушкой женщины. Она вытянула шею и подпрыгнула. Судя по местности, вокруг был обычный сосновый лес.

«Хорошо, хоть не кладбище, – подумала она. – Я так боюсь покойников».

С минуту она постояла, раздумывая.

«Господи, да ведь тоже умерла. Я сама – покойник? Или нет? Глупости какие. Я живая. Я всегда живая. Но почему тогда я боюсь покойников? Дура!»

Ей показалось, что снаружи чей-то противный голос тоже крикнул: «Дура! Дура! Катька дура!»

Рука пошарила по отвесной стене. С узкой стороны земля оказалась довольно рыхлой. Екатерина ступила туда, удержавшись за корягу. Переставила другую ногу, подтянулась и вылезла наверх.

«Какое счастье! Я на свободе».

Она стояла на небольшой поляне. Вокруг простирался темный лес. Где-то вдалеке чарующе пела неведомая ночная птица. Огромная луна холодным светом освещала каждый куст, дерево и травинку. Царство леса казалось таким тихим, величественным и прекрасным, что Екатерина невольно ахнула. Она присела на корточки. Под ногами расстился ковер из продолговатых сочных листьев. Капли обильной росы покрывали каждый лист. Она пошевелила рукой. По круглому крапчатому валуну пробежала юркая желтоватая ящерка. Под листьями, в томной колыбели, спали головки лесных ландышей. Целое море ландышей. Они росли не только на поляне, зеленым потоком они переходили под матерые сосны и ели. Она тихонечко сорвала один цветок и поднесла к носу. О, этот тонкий аромат она знала с самого детства. Боже, как хорошо! Может, я уже на свободе? В божьем мире?

Ей захотелось омыться в ночной росе, тем паче, что ее руки и ноги были перепачканы землей. Она с наслаждением упала в зеленый ковер ландышей. Её никто не учил этому. Она интуитивно принялась кататься в холодном море изумрудной росы. Спустя короткое время руки и ноги белели лучше, чем после бани, а мокрые волосы длинными прядями прилипли к узкой спине и плечам. Она погладила ноги, бедра, руки, потрогала маленькую, торчащую от холода грудь, отряхнулась, подобно дикой кошке и ощутила прилив сил. Несмотря на холод, тело сделалось горячим. Жар шел изнутри. Теперь она не просто шла. Ей казалось, она парит, не касаясь босыми ногами земли.

Позади хрустнули ветки. Екатерина оглянулась. В лунном свете перед ней предстал ночной красавец олень. Он был очень высоким и мощным. Узкую морду с угольками темных глаз венчали ветвистые рога. Екатерина немного оробела.

«Интересно, олени нападают на людей?»

Но непрошенный гость почти не смотрел в ее сторону. Постояв некоторое время на поляне, он растворился в кустах.

«И куда теперь? – рассеянно думала она. – Надо попробовать разыскать дорогу. И по ней я непременно выйду к людям. Господи, отчего я не согласилась идти к Махневу? Сейчас бы не плутала тут одна. И главное – где же Мег?»

– Мег! – тихо позвала Екатерина.

Но в ответ лишь слабое эхо раздалось в лесу и потерялось в дальнем конце поляны.

– Мег! – чуть громче крикнула она.

Вместе с эхом с верхушки высокой и толстой сосны сорвалась стая черных ворон. Екатерина вздрогнула и шарахнулась в сторону. На голове снова зашевелились волосы. Ей показалось, что в дальнем конце лунной поляны сгустились ночные тени, и появился силуэт женщины. Тонкий стан, знакомый абрис фигуры, и даже шляпа на голове, а под ней струи чернильных волос. Екатерина бросилась за ним. Силуэт стал быстро бежать меж деревьев, ускользать, и в конце поляны рассыпался в прах.

«Это не Мег, – всхлипнула Екатерина. – Это ночные призраки морочат меня. Или туман клубится, или мне мерещится».

– Мег, почему ты бросила меня? Куда мне идти?

Удивительно, но в конце пути, ровно на том месте, где растаял знакомый призрак, она очутилась перед лесной просекой. Лес предел и отступил. Екатерина вышла на дорогу. Теперь она не парила над травой. Голые ступни кололо от сосновых иголок и шишек. И тело высохло от росы, лишь влажные волосы охладили грудь и спину.

– А в какую сторону я должна идти? Направо или налево? – неизвестно к кому обратилась она.

Луна теперь освещала длинную лесную дорогу. Екатерина застыла в нерешительности. Слабое движение ветра коснулось руки. Ей показалось, будто нечто невидимое тихо промелькнуло мимо и унеслось по дороге, подняв легкий вихрь из песчаной пыли и иголок. Она повернула голову вслед этому движению.

В конце дороги вновь проступили тени. Они колыхнулись и сбежались к середине. Тени снова образовали собой знакомый темный силуэт. И силуэт этот качался вдалеке и манил.

«Я пойдуза ним», – решила Екатерина.

Она шла по дороге спокойным шагом, а черный силуэт бежал далеко впереди. Вскоре дорога свернула направо. Показалась каменная дорожка, выложенная мелкими булыжниками. Вокруг дорожки густо рос папоротник, целые заросли папоротника. Сосновый лес сменился дубовой рощей.

Темный силуэт рассыпался в прах. А Екатерина Дмитриевна ступила на холодные и мокрые от росы камни. Босые ноги пару раз оскользнулись. Впереди мелькнул рваный свет живого огня. Ей чудилось, что она уже была когда-то в этом месте. Женщина прибавила шаг.

Дорожка стала шире. Перед лицом вырос высокий каменный забор. Свет шел от двух факелов, закрепленных по обеим сторонам закопченной от времени, дубовой двери, перетянутой железными щитками. В середине двери располагалось маленькое решетчатое оконце.

«Да, я помню это место. Я уже бывала здесь. Во сне. Или то была явь? Там, в замке, у меня была встреча с княжной Грановской. Господи, это же была Мег. Грановская и Мег – это одна женщина. Моя любимая. Как я об этом забыла! Эти вихри, змеи, полеты – все перепутали в голове».

– Мег! – крикнула Екатерина в слуховое окно. – Мег! Я тут!

Ответом была полная тишина. Екатерина толкнула толстую дверь. Как ни странно, она легко отворилась. За дверью простирался небольшой каменный двор, похожий на мешок, а далее шла широкая, закопченная от времени, дверь средневекового замка. Серые стены замка почти до самых окошек-бойниц были покрыты зеленым мхом. Екатерина посмотрела вверх – голова закружилась от немыслимой высоты. Крыши замка она так и не увидела – она терялась в темных облаках. Эти же облака скрыли и круг яркой луны. Теперь свет шел лишь от нескольких факелов.

Екатерина подошла к двери.

«В прошлый раз здесь был швейцар, которого звали Пьером. И еще там был Самсон...»

При воспоминаниях о Самсоне, Екатерина покраснела.

«Господи, ну почему же Мег меня не встречает?»

Она постучалась в массивную дверь. И эта дверь тоже оказалась не заперта.

Все повторялось как тогда, в далеком и муторном сне. Но почему снова этот замок? Может, я опять сплю? Но где? Она попыталась ущипнуть себя за руку. Стало больно. Вдалеке слышались чьи-то тихие голоса. Ровная и неспешная беседа.

Она вошла в гостевую комнату. Массивное медное паникадило в два яруса с полусотней старинных сальных свечей освещало весь зал. Но потолок был так высок, что свет не доходил до широких и мрачных дубовых балок. Казалось, что мгла, разметавшаяся по углам, дышит и курится струйками дыма.

Серые каменные стены, отсутствие портьер и вообще каких-либо тряпок в декоре придавали обстановке несколько суровый вид. Посередине располагался дубовый стол для гостей. Вокруг него горбатыми спинами высились грубо отесанные стулья. Широкие сидения покрывали шкуры диких животных. По полу огромным бурым пятном растекалась шкура медведя. Она вспомнила все: и эту мертвую морду, с открытой клыкастой пастью, и когтистые лапы. Это была шкура исполинского зверя. Коричневый густой ворс озаряло пламя огромного камина. Скорее это был не камин, а просто открытый очаг в два человеческих роста, обрамленный темно-серыми гранитовыми валунами. На противоположной стене располагались и другие охотничьи трофеи: голова кабана, похожего на калидонского вепря, чучела рысей, леопардов и даже саблезубого тигра. Она припоминала детали. Все это она уже видела...

Но главным было другое: во главе стола сидела несравненная Мег в темном облегающем платье из черного кружева. Гладкие волосы были зачесаны и уложены сзади. Мочки ушей оттягивали массивные серьги из темно багровых рубинов. Таким же темным казалось вино в ее хрустальном бокале, которое она неспешно пила. Взгляд бархатистых глаз не был направлен на вошедшую. Она

смотрела на своего собеседника. Им был швейцар Пьер. Он сидел по правую руку от ведьмы. Слева от нее восседал Самсон. Оба мужчины были одеты в роскошные фраки, сшитые по моде середины 19 века. Мощные шеи подпирали белые воротнички и полосатые шелковые фуляры. Вся троица выглядела настолько респектабельно, что Екатерина опешила и невольно попятилась. А когда она вспомнила, что стоит перед ними обнаженной, она и вовсе засмузилась и хотела броситься назад. Но дверь позади нее захлопнулась сама собой, а тяжелый засов с грохотом упал в чугунный паз.

Екатерина посмотрела на свои ободранные травой и ветками руки и ноги. В один миг она показалась себе жалкой и нищей замарашкой. Она зажмурилась и вжалась в деревянную дверь.

– Сейчас в тебе заново проснулась Эмма, – услышала она тихий, но властный голос, идущий из глубины зала. – Как я люблю тебя такую – робкую, страдающую, стыдливую... Эмма. Моя Эмма. *Meine liebe...*

– Мег, пожалуйста, я раздета, – прошептала Екатерина.

– Да? И что? Кого ты застеснялась? Самсона? Так он отлично помнит твое прекрасное тело. Пьера? Он тоже видел тебя в неглиже. А сегодня он допущен будет до большего...

– Мег! Вы сердитесь на меня? За что?

– За что?

– А ты так и не поняла?

– Нет.

– За мысли об измене, *meine liebe*. Только за мысли. Но накажу я тебя за них так, ровно бы эта измена уже произошла.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Я все объясню. Позже. Пьер дай нашей неженке какой-нибудь плащ. Пусть пока укроется.

Пьер подошел к Екатерине и подал ей черный шелковый плащ, подбитый красным бархатом. Екатерина поблагодарила его и накинула ткань себе на плечи.

– Подойди к столу. Мы нальем тебе хорошего вина. Еды ты пока не получишь. Ты знаешь, худоба и все что с ней связано, еще один, приятный для меня фетиш. Поэтому – никакой еды в ближайшее время. Только вино. Тебе надо выпить. Потому, что потом тебе предстоит нелегкое испытание.

От этих слов госпожи Екатерине стало жарко.

– Садись.

Пьер отодвинул тяжелый стул. Екатерина села. Она робела поднять глаза на Мег. Она ужасно боялась ее, и в тоже время, где-то внутри души, поднималась нешуточная волна возбуждения, связанная с обещанным наказанием.

Гулко булькнуло красное, словно кровь вино, потянуло ароматом старой лозы, приправленным привкусом серебра и меди. Во рту стало чуть кисло, а после солоно. От первого глотка по телу разлилось приятное тепло, закружилась голова. Екатерина впервые решительно посмотрела на Мег. Ей показалось, что сквозь знакомые черты проступил облик княжны Грановской. А потом скулы заострились, и на мгновение она увидела на месте Мег облик волевого, сильного темноволосого мужчины. Воздух вокруг госпожи сгущался, меняя до неузнаваемости ее образ. В какой-то момент над головой ведьмы проступили темные струи. Екатерина пригляделась. Вместо волос, густым и жирным облаком, извивались ленты живых змей.

Екатерина зажмурилась и сделала еще один, большой глоток вина. От этого глотка ей стали слышны странные звуки. Она услышала, как под мощной грудной клеткой бьется сердце красавца Самсона. Она уловила его мужской аромат. Совсем по-другому, но очень приятно пахло от Пьера. Оба мужчины молча пили вино и поглядывали на Екатерину. Теперь ей стало слышно биение сердца и Пьера. Собственное сердце, казалось, стучало возле самого горла и отдавало в задурманенную голову.

– Тебе понравился мой лес? – вывел из оцепенения голос Мег.

– Да, там очень красиво. И эти ночные цветы... Я люблю ландыши.

– Ты пахнешь ими с головы до ног. А еще ты пахнешь страхом... Meine liebe, каждый твой крик в лесу отзывался в моем сердце болью. Болью и тоскою. Но я хотела, чтобы ты кричала и плакала еще громче. Сейчас мы устроим тебе это...

Екатерина поежилась и сделала третий глоток. После этого огонь в камине вспыхнул так, словно туда плеснули керосина, а мертвая шкура медведя ожила и, приподняв клыкастую морду, заревела что есть мочи. Екатерина вскрикнула и чуть не лишилась чувств.

– Довольно. Отведите ее наверх. Пусть ее омоют в ванной и приготовят для экзекуции.

Пьер встал из-за стола, легко подхватил Екатерину на руки и понес ее на второй этаж по каменной лестнице. Перед пьяными глазами Екатерины мелькали закопченные балки старинных стен и потолка. Она все также слышала стук мужского сердца. В одном из узких коридоров Пьер толкнул деревянную дверь. В ней оказалась средневековая мыльня. Большая дубовая бочка стояла посередине небольшой комнаты без окон. Свет шел от сальных свечей. Три, знакомые уже Екатерине женщины, в черных монашеских нарядах, предложили ей помыться. Они долго терли ее разными мочалами, затем, рядом с бочкой, водрузили каменную скамью, на которую разложили разомлевшую от усталости и вина Екатерину. Одна из служанок принесла чугунок, полный каких трав и пахучих снадобий. Эти снадобья были втерты в исцарапанные ноги и руки тамбовской красавицы. Другим, серым порошком, разведенным в молоке, они снова удалили все волоски с ее худенького тела. Затем ее окатили чистой водой и осушили волосы. К ней поднесли старинное овальное зеркало, в тяжелой бронзовой раме. Зеркало светилось золотой амальгамой. И не смотря на множественные трещинки, Екатерина увидела собственное отражение таким прекрасным и юным, что задохнулась от радости.

«Сколько мне сейчас? Похоже, лет шестнадцать... И, похоже, я выгляжу именно так, как выглядела Эмма. Я и была когда-то ей. Как все здесь путается. Времена, облики, голоса. Только души те же».

Служанки накинули на нее тоненькую рубашку и отправили по коридору, указав ту комнату, в которую ей надо было проследовать.

Она зашла в комнату, и вспомнила, что была тогда в ней. Там находилась широкая кровать с высокой периной и бархатным балдахином. Стены этой комнаты были отделаны иначе, чем зал внизу. Деревянные, потемневшие от времени панели, висели с четырех сторон. Искусный резчик ни мало потрудился для их росписи. Здесь были вырезаны непонятные разуму тайные знаки, рисунки и мандалы. Они походили и на знаки древней Кабалы и на египетские иероглифы.

Екатерина подошла к кровати и прилегла на край. Веки казались такими тяжелыми, что она не выдержала и закрыла глаза. Сон охватил ее прекрасную голову. Она не помнила, сколько спала. И не осознавала, сколько вообще прошло времени.

Проснувшись она от странного металлического скрежета и постукивания. Екатерина резко открыла глаза и подняла голову. Одна из деревянных стен отчего-то пропала. Растаяла, будто ее и не было. Катерина отчетливо помнила то, что когда она входила в спальню, она была невелика по размеру. От кровати до деревянной стены было лишь расстояние в несколько шагов. И вот, на том месте, где была стена, теперь стоял тяжелый сумрак, от которого тянуло подвальной сыростью. И именно оттуда шли эти странные металлические звуки.

Екатерина села на кровати, поджав босые ноги, и невольно попятилась к изголовью.

Темноту прорезала вспышка живого огня – это зажегся огромный факел, рядом с ним другой, третий. Екатерина увидела то, что спальня, в которой она заснула, трансформировалась в странное и длинное помещение, более похожее на средневековый подвал или застенок. Кирпичные холодные стены потели сыростью. Окон здесь не было. Пол тоже был выстлан камнем. Но самым главным было иное. Вся комната была заставлена пыточными орудиями. Часть из них были открыты, часть накрыты серыми холщовыми тряпками. Посередине стоял деревянный Андреевский крест[1 - Андреевский крест представляет собой довольно габаритную установку для фиксации человека во время БДСМ-сессий. Крест получил свое название «Андреевский» после того, как на таком кресте распяли апостола Андрея. В дальнейшем его использовали как орудие пыток, что и предопределило его использование в качестве атрибута для БДСМ-игр.

Андреевский крест представляет собой приспособление из двух досок около двух метров в длину, которые соединены накрест.], сделанный в виде буквы Х, с множеством кожаных креплений. Недалеко от креста располагались немыслимые для воображения Екатерины козлы, распорки для рук и ног, высокие табуреты, венчающиеся деревянными фаллосами, разной высоты и толщины. Чуть в стороне от Андреевского креста стояло странное кресло, похожее на кресло дантиста, с металлическими желобами для ног. Екатерина Дмитриевна догадалась, для чего предназначено сие кресло. Возле кресла крепился подвижный металлический стол. И на нем лежали... В свете факела Екатерина не смогла подробно рассмотреть все разнообразие диковинного инструмента. Он находился в блестящих кюветах. Но вертикально, прямо на столе, высились иные предметы. Это были дилдо. Разной формы, толщины и длины. Часть из них имела загнутые головки и изуверскую кривизну.

Екатерина невольно охнула.

«Может, сбежать?» – лихорадочно думала она.

– Даже не думай. Лучше смирись. Сейчас я проведу с тобой свою обычную сессию. Чуть более жесткую, чем всегда. Это будет твоим наказанием, – прошептала на ухо Мег.

Тихо, словно кошка, она под села на кровать, возле взволнованной Екатерины.

– За что? За что вы меня наказываете? – горячно возразила тамбовская красавица.

– За мысли. Пока лишь за одни мысли, – ответила ей госпожа.

– Какие мысли? – захныкала Екатерина. – Я ни о чем таком и не думала.

– Ты уверена?

– Да!

– А кто собирался пойти в дом к местному красавцу Махневу? Ты уже почти согласилась на его уговоры, если бы не я...

– Да я же просто так. Чаю попить.

– Угу, этот, всем известный Дон Жуан местного разлива, только и мечтал о том, как напоить тебя чаем. Ты дура или претворяешься?

– Я дура... Но простите меня, госпожа!

– Ты не дура, ты просто блудница. И я бы могла закрыть на многое глаза, если бы не совершенно гадкая черта моего характера. Я – большая собственница. И ревнивица к тому же. И если я выбрала себе вещь или человека, то это – только мое. И горе тому, кто на это покусится. Сейчас мой характер стал намного мягче. А пару веков назад я была настолько горяча, что могла запросто оторвать голову у любой из своих игрушек.

Мег усмехнулась и встала во весь рост.

– Ты читала Вольтера?

– Не помню.

– Пора мне заняться твоим образованием. У меня есть роскошная библиотека. Как только ты пройдешь весь обязательный курс у Виктора, я заставлю тебя учиться. Ты только представь, какой хорошей ученицей ты станешь.

– Я неважно училась в школе... – со стыдом призналась Екатерина. – А в том сне, про институт, где вы были Раечкой Грановской, я училась намного лучше. Я помню, как... – Екатерина открыла было рот, чтобы продолжить разговор, но Мег с усмешкой перебила ее.

– Ты сейчас так мило округляешь ротик, забалтывая меня. Ты хочешь отвлечь меня беседой, чтобы я забыла о твоей вине? Не трудись. Тебе не поможет твое наивное красноречие. Твоя риторика гроша ломанного не стоит. Отчего я и сказала, что после уроков Виктора, я заберу тебя к себе на обучение. Ты будешь много читать и много учить. Я просто-таки замираю от вожделения... Ибо каждый твой урок я буду проверять лично. И за малейшую забывчивость или нерадение ты будешь всегда наказана. Как? Поверь, по части наказаний я виртуоз, – тонкие губы Мег расплзлись в улыбке. – Ах, как я буду мучить тебя...

Сегодня я покажу тебе это... Лишь начало. Да, не дрожи... Ах, да... К чему я вспомнила старика Вольтера? Он как раз говорил о ревности вот что: «Бурная ревность совершает больше преступлений, чем корысть и честолюбие». Представляешь? А еще он говорил, что «Мрачная ревность неверною поступью следует за руководящим ею подозрением; перед нею, с кинжалом в руке, идут ненависть и гнев, разливая свой яд...» Яд. Ты понимаешь? Скажи спасибо, что мои змеи, там, в лесу, не впрыснули в тебя яду. В каждой из них текла моя кровь и дрожала моя ревность. Но, увы, она не притупилась доселе. Сейчас я буду долго мучить тебя... Не до крови. Я не терплю кровь в плотских утехах.

- А может, не надо? Я все осознала, - залепетала Катерина.

Крупные, словно дождевые капли, слезы посыпались градом из ее глаз.

- Иди сюда, глупая. Я потрогаю тебя, - Мег протянула руку и обняла Екатерину.

Тонкие пальцы нырнули под рубашку. Они коснулись гладкого, словно речная галька, нежного, выпуклого лобка. Пробежали по животу и едва притронулись к соскам. Потом снова вернулись к лобку.

- Смотри... - Мег показала блестящую влагу на двух длинных пальцах, увенчанных красными, острыми ноготками. - Ты боишься, но хочешь пыток...

- Нет, нет... нет, - Катерина некрасиво скривила губы и заплакала еще громче. - Пожалуйста... Вы же помните, как сами спасли меня от Георга и Марселя. Я тогда не выдержала пыток и вылетела прочь из тела.

- Сейчас я не дам тебе вылететь. Я знаю на макушке место, куда стремится вылететь дух. Это место есть на голове или на груди. Если я увижу такую попытку, я заткну это отверстие ладонью. Ты не улетишь... Георг и Марсель - грязные животные. Я же дам тебе познать муки изысканные, тонкие и острые.

- Пожалуйста... Не надо.

- Пока ты спала, я приготовила для себя маленький сюрприз, - невозмутимо продолжала Мег. - С помощью небольшого заговора, на время, я сделала тебя той, моей кельнской возлюбленной. Внешне.

– Как? – поразилась Екатерина Дмитриевна.

От удивления она даже перестала плакать.

– Я сейчас все покажу. Ты себя вспомнишь. Ту...

Мег принесла знакомое зеркало в мощной бронзовой оправе, зеркало с золотой амальгамой. Екатерина со страхом заглянула в его золотистый, в мелких трещинках овал. На нее испуганными огромными глазищами глядела юная и хорошенькая Эмма. Карие глаза, словно две спелые вишни, в обрамлении пушистых ресниц, взирали робко, по-детски недоверчиво. Черные пряди упали на белый лоб. И она вспомнила себя. Она уже знала это милое лицо, тонкие руки, глаза. Она помнила это тело. Нынешняя Екатерина была очень похожа на Эмму. Но все-таки они сильно разнились чертами лица. В чертах мещанки Худовой было много тонкости и аристократизма. Эта же девушка, почти девочка, имела более мягкие контуры губ, носа, овалы нежных щек. И глаза. Эти детские глаза. Глаза испуганного олененка.

– Ты вспомнила себя?

– Да...

– Вот такой я тебя и полюбила. Открою тайну: ранее я редко интересовалась своим прошлым. Далеким прошлым. Но ради тебя я подняла из небытия большую часть своих жизней. И оказалось, что та встреча, на Рейне, тоже была не первой. Эмма, у нас еще были жизни. В прошлый раз я начала об этом рассказывать. Но не успела закончить. Я и сейчас не стану. Я сделаю это чуть позже... А сейчас надень это.

Мег достала из – под подушки какой-то темно-синий комочек. По виду это было крашеное кобальтом, полотно грубой шерсти.

– Надевай. Это твои синие чулки.

– Зачем? – всхлипывая, спросила Екатерина-Эмма.

– А затем, что эти синие чулки, на фоне твоей белой кожи, снились мне ни один век. Надевай живо. Во время наказания ты будешь находиться в них.

Екатерина развернула два жестких комочка и встряхнула их. Затем, морщась, медленно натянула их на худенькие длинные ноги. Они доходили ей почти до самого окончания бедер, едва не упираясь в обнаженный лобок.

– Возьми подвязки и закрепи крепче. Они не должны спадать.

– Ой, они ужасно колючие! – вскрикнула девушка.

– Ах, какие мы стали нежные всего за несколько веков. Да, это не шелк, и не фильдекос[2 - Фильдекос – (от франц. fil d Ecosse шотландская нить) туго скрученная хлопчатобумажная нить из лучших сортов хлопчатника, имеющая шелковистый блеск; трикотажное полотно из этой нити для изготовления чулок, перчаток.]. Это – грубая овечья шерсть. В них тепло в зимнюю стужу, в Кёльне. Не понимаю, какого черта ты именно тогда простыла?

– Я голодная была. Отец Эверт сказал, ничего не есть... – будто припоминая, шептала Екатерина-Эмма. – Ах, я заболела и умерла! – вскрикнула она. – Да, я все помню. И потом я полетела, – радостно отозвалась девушка.

– А вот об этом я не хочу слушать. Я примерно знаю твой маршрут.

– А тетя... Тетя моя не горевала совсем. Она даже обрадовалась. Я помню. Я прилетала к ней и видела, как она жгла мои вещи. Она боялась заразы. В Кёльне тогда многие умирали. А она... Она тут же вышла замуж. Я, похоже, мешала ей... Можно, я сниму эти чулки? Они очень колются...

– Нет! – резкий окрик Мег отрезвил Екатерину-Эмму. – Не смей, снимать до конца сессии.

Она оттолкнула свою возлюбленную и встала во весь рост.

– Пьер, Самсон, вы готовы?

– Да, госпожа! – слышался дружный ответ двух помощников.

– Ведите ее в экзекуторский зал.

К нашей тамбовской красавице, которая в этот момент путалась в обрывках собственных судеб – между немецкой девушкой Эммой и русской мещанкой Екатериной, подошли двое мужчин. Они были по пояс обнажены. У обоих поигрывали крепкие мускулы, ниже талии на них красовалось тонкое серое трико, делающее выпуклыми гениталии. Екатерина-Эмма скосила глаза на внушительное «хозяйство» одного из них. И невольно поежилась. Вместе с этим она ощутила знакомый жар внизу собственного живота.

– Сорвите с нее рубаху! – приказала Мег.

Самсон подошел к жертве и одним резким движением разорвал тоненькую сорочку на две части. В свете ярких факелов Екатерина-Эмма осталась стоять обнаженной, с зажмуренными от страха глазами. Маленькие груди, увенчанные крошечными розовыми сосками, дрогнули и поднялись кверху. Екатерина покраснела, увидев зоркие и пытливые взгляды мужчин. Руки инстинктивно прикрыли груди и лобок.

– Убери руки! – властно приказала ведьма.

Не открывая глаз, Екатерина-Эмма сжала пальцы в кулачки и опустила их вниз.

– Да... Как давно я мечтала об этом, – хрипло прошептала Мег. – Этот плоский и мягкий живот, выпуклый лобок. Вот только лобок тогда у тебя был черным. Но ради успешности пыток, ради их наглядности, я снова приказала удалить тебе все волосы. Сейчас мне это удобно. Так будет лучше видно все то, что будет происходить с твоей маленькой и трепетной вагиной. Я смогу видеть, как раскрывается твоя розовая раковина – шире и шире. Сегодня я желаю лицезреть все ее возможности... Каков ее предел. Привяжите ее к кресту!

– Подождите, госпожа! Подождите! Если я стала на время Эммой, значит... Значит я еще девственница?!

– Я хотела бы, чтобы было так. Я и замышляла все сделать именно так. Но сие действие я оставляю на будущие сессии. Их будет довольно. Лишение Эммы девственности мы будем смаковать отдельно. От Эммы у тебя сейчас лишь

внешность. Внутри ты – похотливая сучка Екатерина, из Тамбова. Приступайте, господа. Привяжите ее покрепче. И для начала, пройдитесь мягким флоггером.

Двое помощников в одно мгновение подхватили Екатерину-Эмму на руки, и словно пушинку, отнесли ее к деревянному кресту. Она и охнуть не успела, как тонкие руки взлетели кверху. Там их закрепили двумя кожаными ремешками. Ремни потолще легли на щиколотки широко расставленных ног. Колени также притянулись к грубо отесанной поверхности креста. Полоски кожи плотно вошли и в верхнюю часть бедер – колючая шерсть легла слишком близко к нежной коже лобка. Худова напряглась и попыталась сдвинуть ягодицы в желании отринуть от себя эту противную ткань. Но тщетно. Она была привязана к кресту и животом. Выпуклые алебастровые ягодицы вызывающе торчали. Она услышала, как легкие каблуки Мег простучали по каменному полу. Ведьма взяла в руки изящный длинный стек, на конце которого был закреплен кусочек кожи. Этим стеклом она стала водить по узкой спине девушки, заходя на холмики маленьких ягодиц и слегка раздвигая их.

О, эта тонкая палочка проскользнула в щель и двинулась к предательски ожившему клитору. Екатерина-Эмма чуть не застонала от наслаждения.

Затем на тело обрушились удары мягкого флоггера. Она вскрикнула.

– Какая неженка! Ты уже кричишь от первых ударов? Ты знаешь, что говорил один из моих любимых писателей, Донасьен Альфонс Франсуа де Сад? Он говорил, что «Единственный способ заставить женщин любить себя – это мучить их. Более надежного способа я не знаю».

Но Екатерина недолго кричала. На смену легким и обжигающим, первым ударам, пришло состояние странной органичности всего происходящего. Екатерина-Эмма впала в какой-то зыбкий полутранс. Она словно бы плыла по волнам закипающего наслаждения. После этого ее отвязали и перевернули животом к зрителям.

– О, я так и знала. Если бы ты сейчас могла нагнуть голову, то увидела бы, что произошло с твоими чулками. Они мокры. Это твой сок струиться по ним.

Екатерина и сама это чувствовала. Колючие нити, намокнув, приклеились к телу и создавали дополнительный зуд. Больше всего ей хотелось сорвать с себя эти

ненавистные чулки. Она уже почти не открывала глаз. Она поняла, что веки припухли от слез, а вся пыточная комната дрожала в такт мерным ударам. Пламя огня распухало ярким цветком с парящими искрами в искаженных слезами зрачках. Голос ведьмы то был рядом, то пропадал.

Затем она почувствовала, как плетку сменили на другую. Эта была чуть сильнее. Девушка снова застонала.

– Я хочу надеть тебе кляп. Я хочу видеть твои круглые от страха глаза, залитые слезами, и слышать лишь мычание.

После этих слов Пьер принес откуда-то темный кожаный кляп, внутри которого был вшит деревянный шар. Его довольно ловко установили у Екатерины во рту. Теперь вместе со слезами на грудь текли еще и слюни.

Удары продолжились. Но вместо боли она вдруг почувствовала невыносимое желание. Как и предсказала Мег, ее круглое юное личико изменилось до неузнаваемости. Глаза закатились, ноздри расширились, дыхание сделалось прерывистым.

Она снова услышала, как простучали каблуки. Ведьма поднесла полотенце и отёрла от влаги лицо, груди и живот. Один из тонких пальцев нырнул в ужасающе мокрую щель припухших нижних губ.

– Она готова. Сейчас мы посадим ее на первого козла.

Екатерина почувствовала, как ее отвязали от Андреевского креста и вытащили кляп. Девушка рухнула прямо на каменный пол. Все тело было покрыто малиновыми, чуть вспухшими полосами.

– Ты меняешь мои планы. Мне придется многое отменить в программе. С непривычки ты оказалась слабее, чем я ожидала. Я не смогу испытать на тебе и части задуманного. Почти весь арсенал останется не у дел. А как же дилдо, катетеры, шарики, расширители? Ну, ладно. Придется ускорить нашу программу. И заодно, упростить ее. Всему свое время. У нас все впереди. Есть ли у тебя какие-то просьбы в перерыве?

– Госпожа, я прошу вас, снимите с меня эти противные чулки. У меня от них страшный зуд... – взмолилась Худова.

– Как же я их сниму, когда они – часть моего сценария? И потом ты же знаешь мое природное стремление к эстетике. Синее на белом – тонкий изыск. Я даже картину хочу написать в этих красках. Скажем, белая река и синее небо, или синее море и белый парус... Или... Ах, это потом. Ты знаешь, я весьма недурно пишу маслом и акварелью. Лучше я прямо так и нарисую – твой влажный пухлый лобок с чуть приоткрытой розовой щелью и эти синие чулки. А может, я прикрою его волосами. Черными...

– Ну, пожалуйста! Этот зуд взрывает мне голову. Я готова расчесать все до крови.

– Бедняжка! Хорошо, раз ты просишь, так и быть – я разрешаю тебе их снять. На время.

Екатерина-Эмма, еле шевеля руками, стянула с себя ненавистные полоски вязаной ткани.

«Господи, как я это носила тогда? Может, было принято надевать что-то под низ?»

Она не отказала себе в удовольствии почесаться. Но сделала это так, чтобы не привлекать внимания Мег. Последняя стояла в легкой задумчивости и раскуривала длинную трубку. Струйка бурого дыма скользнула через тонкий изрез трепетных ноздрей. Бархатные и темные, словно кипящая смола, глаза Мег казались такими прекрасными и томными. И вместе с тем их взгляд безумно пугал.

– Ты знаешь, твои крики, слезы и слюни настолько растрогали мое сердце, что я стою и думаю о том, как ловчее и продуктивнее продолжить твой урок. Я понимаю, нежность Эммы, но с каких это пор проститутка Худова стала столь ранима? Что с тобой?

Екатерина – Эмма покраснела и отвела взгляд. Подбородок задрожал от обиды.

– Ах-ах, я что-то сказала не так? Помилуй, тебе не по нраву то, что я назвала тебя проституткой?

– Я не была проституткой...

– А кем же ты была? – ведьма запрокинула голову и рассмеялась серебристым и задорным смехом. – Как говорил мой приятель, Джакомо Казанова: «В наше счастливое время проститутки совсем не нужны, так как порядочные женщины охотно идут навстречу всем вашим желаниям». Так? Помилуй, спать с сотнями мужчин, и за деньги, что это, если не проституция?

– Я же не гуляла по улице в поисках мужчин.

– Правильно. Они сами к тебе ходили. Твоя подружка, по сговору, приводила их к тебе прямо домой. Успокойся. Нет ничего зазорного в торговле своим телом. Иные чинуши, берущие взятки и торгующие государственным добром, ничем не благороднее падших женщин. Поверь. Проститутка действует честнее. Она торгует лишь собой, а не казной и людьми. И потом проституция является одной из самых древнейших профессий. В древнем Риме или средневековой Японии далеко не каждая женщина годилась на это тонкое ремесло. Ему обучали. В греческой античности на «продажную любовь» смотрели без лишнего ханжества и предрассудков. Я не стану рассказывать тебе подробно о гетерах. Ты наверняка слышала о них. Их называли «подательницы радости» или «подруги». Они играли огромную роль в жизни греков. Античная литература полна трактатами, посвященными проституткам. Жрицы Афродиты! Киллистрат написал «Историю гетер». Аристофан Византийский, Апполодор и Горгий собрали сведения о жизни ста тридцати пяти гетер, которые прославились у афинян, и славные подвиги которых были достойны того, чтобы о них узнало потомство. А храмовая проституция в Индии? Нет, на мой взгляд, древнее общество было разумнее и честнее, чем нынешнее. А сейчас фарисей сидит на фарисее. Как не вспомнить библейское: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры»? Они всякий раз презрительно морщатся, проходя мимо продажной девки. Правда, далеко не уходят. Свернув за угол, они лезут в карман и готовят свои грязные деньги, чтобы заплатить за продажную любовь. А после того, как купят ее, они снова цепляют на себя привычную личину благолепия.

После длинного монолога Мег, Екатерина смотрела на нее спокойнее и с бо?льшим интересом. Она тихонечко перебралась с пола на небольшой табурет и расположилась на его краю, плотно сжав голые ноги. В ее облике еще сильнее

проступили черты Эммы. Она слушала ведьму, и ее пухлые губы были чуть-чуть приоткрыты от любопытства.

- Пьер, налей нашей девочке немного вина. Оно укрепит ее силы.

Пьер подал Екатерине-Эмме пузатый бокал красного вина.

- Пейте, мадемуазель.

Екатерина-Эмма выпила вино большими, жадными глотками. По телу снова растеклось приятное тепло. Заполыхали щеки. Она покосилась на выпуклые чресла Пьера. Самсон тоже сидел напротив и вызывающе поглядывал на нашу несчастную героиню.

- Мы немного отвлеклись на тему, связанную с проституцией, - хриплым голосом продолжала Мег. - Хотя, наши вольные беседы - это не отвлеченность, а скорее расширение горизонтов твоих познаний. Ты помнишь, я обещала тебя учить... Многому. И наказывать. О, как меня возбуждают сами слова: наказание, экзекуция, порка, бичевание, пытка... Ты даже себе не представляешь. А потом, признаюсь, я к тебе испытываю особые чувства. Они замешаны на жутком коктейле из ревности, злобы, любви, многих лет ожидания, отчаяния, безверия и, наконец, счастья обретения. Что... что... - Мег нервно затаилась, подбирая нужные слова. - Что я буду к тебе слишком пристрастна, дорогая. Пойми, на этом этаже нет ангельски чистых душ. Моя любовь и страсть к тебе остры, как лезвие дамасского кинжала, и ядовиты, как яд Черной мамбы. Обычному человеку не понять того, как полыхает мое сердце при виде твоих слез. Слез, полученных от мучений. Когда ты плачешь от боли или наслаждения, в моих старых венах закипает жгучая лава.

Екатерина-Эмма невольно вздрогнула и повела плечами - такими страшными казались обещания Мег.

- Обожаю маркиза Донасьена Альфонса Франсуа де Сада. Признаюсь, мы с ним знакомы и даже дружны. Мы часто вместе обедали под сенью французских каштанов. Вели неспешные беседы. Так вот он говорил, что «сильнейший всегда находит справедливым то, что слабый считает несправедливым», и «не существует ни одного живущего человека, которому не захотелось бы сыграть деспота, если он обладает твердым характером». Он - гений, ты не находишь?

– Не знаю...

– Не знает она! Да кто ты такая, чтобы ставить под сомнение подобные утверждения? Ты должна соглашаться с каждым моим словом.

Екатерина-Эмма испуганно закивала головой и всхлипнула.

– Я подмешала тебе в вино сильнейший афродизиак. Еще пять минут, и ты от желания полезешь на стену. С каким наслаждением я буду заглядывать в твои глаза, которые будут искать выхода из лабиринта невыносимого вожделения.

Не прошло и пяти минут, как наша тамбовская мещанка почувствовала еще больший жар внутри своей вагины. Она продолжала сидеть со сжатыми от страха ногами, но какая-то неведомая сила заставляла их раздвигаться, вопреки ее воле и здравому смыслу.

– Не сжимай ног. Ну, же... Раздвинь их, моя горячая девочка, – улыбнулась Мег.

Екатерина-Эмма покраснела, словно маков цвет, и зажмурила глаза. Ее душа боролась с жутким стыдом и превосходящим по силе желанием.

– Ну! – захохотала Мег. – Раздвинь ноги, блудница. Покажи нам, насколько мокра твоя красота. Ты чувствуешь, как наливаются свинцом все твои губки, а жадный клитор, подобно пробудившемуся после зимней спячки зверю, хочет почесать свою голову? Glans clitoridis[3 - Glans clitoridis – головка клитора (латынь).] для женского организма – самый важный орган. Я знаю, что ты чудовищно хочешь разрядки. Не все сразу. Для начала ты получишь uterus orgasm[4 - Uterus orgasm – маточный оргазм (латынь).] И не один... Прости, люблю я иногда оперировать латынью.

Екатерина-Эмма пыталась сильнее сжать ноги, но словно какая-то чудовищная сила разводила их в стороны. Ей стало казаться, что на колени легли невидимые глазу железные руки. Эти руки, вонзив когти, сжимали ее острые колени и раздвигали дрожащие от страха и возбуждения ноги. Мгновение, и она не совладала с этой сокрушительной силой. Она внутренне сжалась и выкрикнула нечто непонятное. Горло сжималось от спазмов. Она напрягалась в попытке, сомкнуть слабые колени. Но ее странная борьба не увенчалась успехом.

Мег с любопытством и легкой насмешкой взирала на поединок с невидимым чудовищем, имя которому – похоть. Екатерине-Эмме на секунду показалось, что она увидела это чудовище. Оно было огромно, лохмато и скалилось страшной пастью. Но сильнее пасти тамбовскую мещанку страшил длинный и липкий язык этого зверя. Язык этот стремился лизнуть сердцевину опухшей до невозможности вульвы. Самое ужасное заключалось в том, что борьба эта велась ею против себя самой. Она более чудища мечтала о том, чтобы этот язык принялся ее лизать. Она знала, что гигантская пасть готова не просто прилипнуть скользким жалом, но и проглотить, сожрать её целиком.

- Да! – вдруг выкрикнула Екатерина-Эмма и широко развела ноги.

Она чуть откинулась назад и согнула их в коленях.

- Да, – снова пробормотала она. – Пусть все приапы мира войдут в меня разом! Да! И... лизите, пожалуйста, лизите...

- Ну вот, теперь мы видим, как твоя вагина алкает вторжение. Теперь мы видим, как она течет. Тысяча чертей, я редко видела, столько влаги... Уговорила. Для начала мы посадим тебя на «козла».

- Какого козла? – прошептала Екатерина-Эмма, горячечно облизывая губы.

- Сейчас увидишь какого. Самсон, Пьер, поднимите ее и посадите на первые козлы.

Сквозь туман наша героиня разглядела, как мощный Пьер вынес некое подобие тумбы или усеченного бревна с гладким сидением. В середине этой конструкции торчал довольно таки толстый и длинный колышек, выточенный в форме полового члена. Мужчины подхватили Екатерину под колени и посадили ее... прямо на эту высокую тумбу. Она почувствовала, что, не смотря на сильную готовность, этот мощный колышек едва продвинулся в ее нутро. Казалось, что он чрезвычайно толст. Он туго раздвинул все мышцы. Под весом тела он упирался слишком глубоко. Так глубоко, что Екатерина-Эмма застонала от боли... Она закрыла глаза. Стало трудно дышать. Девушка беспомощно взмахнула руками. Чудилось, что страшный кол все дальше и дальше продвигается внутрь ее мягкого лона. Но к боли присоединилось чувство

удовольствия и той степени наполненности, о которой она мечтала.

– Ах, о-оо-оо-о...

– Тихо, тихо, – прошептала Мег. – Дыши, дыши глубоко... Станет легче. Сейчас Пьер раскрутит механизм, и наш деревянный шельмец начнет раскачиваться и прыгать внутри тебя...

В самом начале Екатерина-Эмма не увидела, что в бревно, на которое ее посадили, был вделан хитрый механизм. Пьер крикнул позади и стал крутить невидимую глазу ручку. Бревно скрипнуло металлическим неповоротливым нутром. И вдруг наша несчастная жертва почувствовала, что деревянный колышек ожил, стал раскачиваться и дрожать внутри ее тела.

– Аа-аа-аа, – кричала Екатерина-Эмма. – Я-я-я-я-аа-аа-аа-аа.

– Ты-ты! Как тебе мой шельмец? Кстати, этот прибор изобрел один похотливый немец. Он успешно применял его для пыток ведьм. Он не снимал с «козла» своих жертв по десять часов кряду. Женщина успевала получить несколько сильных оргазмов, прежде чем прощалась с жизнью. Не находишь, такую смерть довольно-таки изящной? Простите мне моветон... Но быть зае**ной до смерти – не об этом ли мечтают многие экзальтированные дурехи? Получите и распишитесь. Пьер, прибавь-ка скорости!

Екатерина-Эмма ощутила, как деревянный кол буквально запрыгал и задрожал в таком бешеном темпе, что от этой вибрации ее нутро содрогнулось в болезненном и сладостном оргазме. Таким оргазме, от которого она чуть не лишилась чувств.

– Как ты сейчас прекрасна. Твои ноги подобны двум нежным лилиям. А эти пальчики... Голова твоя упала на плечи. А соски. Твои соски великолепно стоят. В следующий раз я защемлю на них прищепки. И ты сойдешь с ума, счастье мое... Мне даже не пришлось касаться твоего клитора... Какая ты горячая...

Пьер то снижал, то увеличивал скорость оборотов, и через четверть часа Екатерина-Эмма кончила еще раз. Она уже плохо держалась на злодейских «козлах» и ей казалось, что она сходит с ума от этой бешеной скачки.

- Это не все. Сейчас с тобой поиграют и мои мальчики. По очереди.

Позади раздался скрип, и деревянный стук. Она поняла, что Самсон подставил невысокую деревянную скамейку. И благодаря ей, он оказался позади женщины. Сильные руки легли на талию и наклонили ее вперед. Пьер прибавил скорость адской машины. Екатерина – Эмма снова задрожала и вскрикнула. Только этот стон оказался громче предыдущих. Она почувствовала, как Самсон вошел в свободное колечко узкой плоти.

- Не-ее-ее – еет!

- Да! – зловеще шептала Мег. – Да! И только когда Самсон закончит, его сменит Пьер. А вот после Пьера, я сниму тебя с «козла». Ты запомнишь его. Навсегда. И даже полюбишь. Смотри, как славно ты кончаешь.

В какой-то момент несчастной показалось, что воздух вокруг нее сгустился. Из углов «пыточной» повалил кобальтовый дым. Каменные стены задрожали и принялись двигаться в такт ударам ее сердца. Сама каменная кладка стала менять свои очертания. Потемневшие от времени кирпичи, подобно костяшкам лото, двигались в разные стороны. Они – то перестраивались в диковинные узоры, то останавливались и со скрежетом выпирали, разбрасывая терракотовое крошево. Ей казалось, что если они перестанут вибрировать и танцевать, то и ее собственное сердце остановится. Позади себя она чувствовала горячее мужское дыхание, прерываемое стонами страсти. Боли давно не было. Все ее тело заполняла какая-то невидимая огненная спираль. Она шла от кончика деревянного фаллоса и заканчивалась макушкой головы. На самом верху она расширялась, раздвигая все пространство вокруг и возводя конические вихри радужного цвета. Иногда радуги темнели, а мужское дыхание позади делалось ледяным. В этот момент ей чудилось, что в ее задние ворота входит не мужской член, а все те же змеи, что были с ней в лесу. Они шипели возле самого уха. Она пыталась отмахнуться и ускользнуть. Узкая спина наклонялась вперед, она теряла равновесие и падала в какую-то глубокую бездну. Но вздрагивала от падения, словно во сне. И снова обнаруживала себя сидящей на зловещем скачущем козле. А сильные мужские руки притягивали ее бедра ближе, с силой насаживая на себя.

В какой-то миг ее нежный дух решил покинуть новое тело. Силой воли Екатерина остановила движение огненной спирали, сосредоточилась и легким усилием увела свой зад в сторону от дерзких ударов мужчины. Вся нижняя часть

тела вмиг стала чужой и бесчувственной. Она воровато оглянулась по сторонам и тоненькой стружкой стала вытекать из собственной головы. Зловещий оскал Мег предвосхитил ее дерзкую попытку. Ведьма ударила Екатерину по макушке, словно бы возвращая беглянку на место. И сразу же вернулись все ощущения. Еще в большой полноте. А огненная спираль, распоров над головой пространство, снова вошла в женщину, пронзив ее неоновой молнией до самого копчика.

Прошло более получаса, прежде чем, еле живую Екатерину-Эмму сняли со злополучного пыточного орудия. От черт Эмма не осталось и следа. На каменном полу, на грубой льняной простыне, лежала истерзанная Екатерина Дмитриевна Худова. Взмокшие от пота черные волосы прилипли к обнаженным плечам и опавшим шарикам маленьких грудей. Голубоватые тонкие веки плотно прикрывали потухший взгляд. Нос заострился, словно у покойницы. Худые ноги были разведены в стороны и казались безжизненными. Екатерина походила на диковинный экспонат анатомического театра, а не на живую женщину. И только бьющаяся на шее жилка выдавала в ней присутствие жизни.

– Омойте ее, напоите отваром и отнесите в мою спальню, – тихо произнесла Мег. – Кажется, мы чуточку переборщили...

Через час чистая и посвежевшая Екатерина очнулась на мягкой перине в комнате Мег. Стена напротив вновь сделалась деревянной. О страшном пыточном застенке ничто не напоминало. Екатерина приподняла голову. Удивительно, в теле не было боли. Она осмотрела руки и ноги. Кожа сияла белизной и свежестью. Приятная упругость и сила разливалась по всем членам. Спать совсем не хотелось. Единственное, что хотелось Екатерине Дмитриевне – это поесть.

«Господи, как я проголодалась! Кажется, я съела бы целого слона! – подумала она с легкой усмешкой. – Еще недавно мне казалось, что я умру, не выдержав той пытки. Но если бы я так не напрягалась, то получила бы лишь удовольствие. Это глупый страх заставлял меня мучиться в ожидании чего – то, еще более страшного. Мне же не было больно. Наоборот. Эти оргазмы! Господи, я за всю жизнь не испытывала ничего подобного. Да и потом Мег... Она не может причинить мне сильного урона...»

– Ты в этом уверена? – раздался голос справа от нее.

Екатерина посмотрела на говорящую и улыбнулась.

- Что ты улыбаешься? Я мало тебя наказала? - хмыкнула ведьма.

Екатерина мотнула головой.

- Мало?

- Нет. Достаточно... Я больше так не буду.

- Что не будешь?

- Кокетничать с Махневым. Я вообще ни с кем здесь не стану этого делать.

- Да? Как это мило, и главное - вселяет надежду. Но напоследок я решила-таки исполнить твое желание и устроить свидание с твоим избалованным дворянчиком.

- Зачем?! - Екатерина округлила глаза. - Я вовсе не желаю его видеть!

- Не желаешь? Но еще несколько суток назад ты желала. Ты крутила задом в Летнем парке и строила ему глазки. О, я читала все ваши мысли. Вы оба играли в славную игру, игру желаний, мыслей, взглядов. То он мечтал утащить тебя в кусты, то ты ему отдаться!

- Да, нет же!

- Не лги мне!

Мег встала с кровати и обошла ее со стороны Екатерины.

- Госпожа, я же уже раскаялась...

- Я простила тебя, глупышка. Однако урок стоит все же закрепить. Сейчас я перенесу тебя прямо к дому Махнева. Он спит, но ты разбудишь его.

- Но это же неприлично.

- Отчего же? Он приглашал тебя к себе.

- Но прийти самой?

- Тю, какие условности! Неужто это место так подействовала на проститутку Худову, что она перестала сама ходить на дом к клиентам?

- Я не проститутка! - снова обиделась Екатерина.

Её взгляд выражал негодование. В глазах закипали слезы.

- Если человек оступился в одной из жизни, то его будут корить этим все время?

- Какое время? Здесь нет времени, - с усмешкой ответила Мег. - Оставим этот спор на потом. Ты уже пыталась мне что-то доказать. Не стоит... А сейчас ты оденешься, и я препровожу тебя к господину Махневу.

- Ну и ладно. Пусть будет так, как вы хотите. А заодно я вам докажу то, что господин Махнев порядочный мужчина, и он не собирался набрасываться на меня, как голодный на жареную дичь... Господи, как я хочу есть!

- После этого, последнего задания, я тебя покормлю. Если я сделаю это сейчас, то ты осоловеешь и заснешь.

- Я буду надеяться, что меня накормит господин Махнев.

- Ты мне дерзишь? - Мег приподняла бровь. - Хочу рассеять радужные надежды - твой Володя здесь не столь хлебосольный хозяин, каким являлся в своем фамильном поместье. Хотя, полбой, возможно, он тебя все же накормит. Если пожелает.

- Я докажу вам, что он совсем не такой.

- Какой? Он оприходует тебя почти сразу, как только ты переступишь его порог.

- Посмотрим...

Две служанки Мег принесли Екатерине Дмитриевне новый роскошный туалет. Кремовое белье состояло из шелкового тугого корсета на китовом усе, изящной коротенькой сорочки, батистовых панталон с бисквитными рюшами в три ряда и тоненьких фильдекосовых чулочек, обтянувших стройные ноги тамбовской красотки.

- Ах, как ты хороша... - нежно прошептала Мег, когда служанки помогли надеть на Екатерину белье. - Только ножки чуть худоваты. Боюсь, наш Казанова предпочитает более сочных дам.

Екатерина Дмитриевна расстроено поглядела в овальное зеркало.

- Как же им быть не худыми, если меня здесь постоянно морят голодом? - обиженно протянула она. - Ничего, в столице сейчас очень модно быть бледной худышкой.

- При чем тут мода? У каждого мужчины есть свои предпочтения.

Екатерине принесли темно фиолетовое платье, расшитое испанским белым кружевом. Настолько роскошное, что она невольно ахнула, когда увидела себя в зеркале. На нее смотрела высокая и стройная красавица с черными глазами, прикрытыми сенью длинных ресниц. Черты узкого лица казались настолько свежими и юными, что Екатерина подумала о том, не внесла ли Мег снова в нее облик юной Эммы?

- Не удивляйся, Эмма часто будет проступать в тебе, ибо мы потревожили пласт ее жизни. А вообще привыкай - здесь, в царстве Виктора, все женщины выглядят красотками. Молодыми красотками.

- Даже если они почили в девяносто лет?

- Да, даже если так... Старушка уже через неделю обнаружит себя в зеркале 20-ти летней юницей. Нынешний воздух действует лучше молодильных яблок. Нет, конечно, бывает и то, что патрон крутит часами, но все эти игры, как правило, временны. Если и состарилась, то к следующей луне снова помолодела. Виктор

наш – большой гуманист и любит все красивое. Особенно красивых женщин. Ну, хватит болтать. Как тебе мой выбор? По-моему, фиолетовый – твой цвет. И это кружево... Оно роскошно. Ты так узка в талии... Мой бог... Да, Махнев точно обалдеет!

– Ну, зачем я к нему иду? – робко запротестовала Екатерина Дмитриевна и уронила тонкие руки. – Позвольте мне остаться с вами? Я... я полюбила вас. Мег, кроме вас мне никого не надо.

Узкая ладонь потянулась к руке ведьмы.

– После поговорим о чувствах. Сейчас я хочу довести дело до конца. Ты сама мечтала об уединении с нашим главным красавчиком, и ты его получишь!

– Но...

– Никаких «но»! Сейчас придет мастер куафюры и слегка завьет твои локоны. Должна же ты предстать пред Махневым в полном соответствии. Сделаем ему роскошный подарок.

– Как я поняла, вы станете за всем наблюдать?

– Ты правильно поняла.

– Мег, это – жестоко. Я совсем не знаю, как себя вести в подобном случае.

– А веди себя так, как хотела вести несколько дней тому назад, когда ты почти согласилась пойти к нему домой. А можешь вести себя так, как вела в Летнем саду. Не с ним ли ты мечтала об уединении за боскетной стеной?

– Я была глупой... Это по привычке.

Мег в ответ только рассмеялась.

Через полчаса темная карета, на козлах которой покачивался широкоплечий Пьер, привезла Екатерину Дмитриевну к воротам дома Владимира Махнева. Возница спешил. Мег сидела в темном чреве бархатного салона и наблюдала

за смущением своей ненаглядной пассии. Последняя на протяжении всего пути несколько раз умоляла ведьму простить ее, глупую, и не везти на randevу к Владимиру Ивановичу.

- Мег, пожалуйста... - робко канючила Екатерина.

Несколько раз она пыталась обсыпать поцелуями холодные руки ведьмы. Но та отстранялась с легкой усмешкой.

Когда Екатерина Дмитриевна разодетая в изысканное платье, шляпку в тон, с уложенными в локоны черными волосами, стояла возле ворот дома Махнева, она услышала за оградой странный рык и шипение.

- Мег, вернемся. Там, за оградой, сидят чудовища. Сквозь узкий просвет я увидела одного из них. Они разорвут меня.

- Горгульи? - усмехнулась Мег.

И не говоря лишних слов, она как-то странно свистнула. От этого свиста у Екатерины заложило уши. А когда заложенность прошла, то она услышала, как невидимые монстры пришли в состояние паники и порскнули в глубину обширного двора. Входная дверь со скрипом отворилась, и в свете луны на крыльце показалась мужская фигура.

Махнев был одет в легкие штаны, заправленные в высокие кожаные сапоги. Тонкая батистовая сорочка с расстегнутым кружевным воротом открывала пленительной красоты торс. Владимир Иванович выглядел сонным - включенная шевелюра русых волос была не причесана, легкая небритость покрывала красивые скулы, серые глаза припухли ото сна. Он вышел на крыльцо и сладко зевнул. Растерянный взгляд уставился на ворота, в которые робко стучала Екатерина Дмитриевна. Владимир сбежал по ступеням и распахнул калитку.

Екатерина посмотрела вокруг себя - Мег исчезла. Екатерина одна стояла перед калиткой дома Владимира и бессмысленно смотрела на нашего героя.

- Катенька, вы? - обрадовался Владимир. - Вот не ждал, не гадал. Какими судьбами? Вы и у меня?

Было видно, что Владимир Иванович жутко рад. Раз от разу тамбовская мещанка Худова все больше хорошела. Сейчас она стояла возле дома Владимира в великолепном платье. Такие платья можно было встретить лишь на балу, в Екатерининском дворце, или на выставке, в Париже. Тонкий стан был затянут в изысканную ткань лилового оттенка. Белоснежное кружево слегка люминесцировало при лунном свете. Узкий овал хорошенького лица казался таинственно прекрасным. Екатерина мило смущалась и теребила ажурными пальчиками, одетыми в тонкие перчатки, ручку кожаного ридикюля.

«Господи, в этом мире каждая фемина настолько божественна, что я всякий раз теряю дар речи», – подумал наш герой.

– Катенька, как я рад! Что мы тут стоим? Пойдемте в дом! Вы тогда так неожиданно исчезли, испарились в каком-то вихре. Я все время думал: что с вами случилось?

– Вы, правда, думали обо мне? – севшим голосом поинтересовалась Екатерина.

– Вы еще спрашиваете! То, странное поле... Наша прогулка, и ваше таинственное исчезновение. Я даже спать нормально не мог.

Он взял ее под руку и провел в дом. Пока Екатерина Дмитриевна оглядывала убранство уютного жилища Махнева, сам собой разгорелся камин. Дрова домашнему потрескивали.

– Вы, наверное, спали, а я вот так, как снег на голову... Без приглашения.

– Что вы, Катенька! Я безумно рад. И готов ради вас и вовсе не спать. Проходите и почувствуйте себя как дома. Садитесь. Он пригласил Екатерину Дмитриевну за длинный обеденный стол, располагавшийся подле камина.

Махнев страшно удивился тому, что как только он четко подумал о бутылке хорошего вина, как она тут же материализовалась. Всполохи огня отражались на ее темном, чуть запотевшем боку. Серая этикетка с сургучом говорила о том, что вино довольно старое. Радужным светом играли грани двух высоких хрустальных бокалов.

«Неплохое начало», – едва подумал он, как рядом с бутылкой появилось огромная ваза со спелыми фруктами, горячие булочки, масленка с желтым кругом свежего масла, икорница, полная черной, с бурым отливом, серебристой икрой. Тут же, словно из воздуха, появились пряженцы с мясом, тарелка с сыром и два судка с галантиром из дичи.

– Екатерина Дмитриевна, – обрадовался хозяин, – чем богаты, тем и рады. Прошу вас к столу-с!

– Благодарю, Владимир Иванович! Но право, я не голодна. Я буквально недавно обедала, – невнятно пролепетала Худова.

– Даже если вы не голодны, то хотя бы за компанию. Я прошу вас отведать моих угощений. Хоть немного...

Екатерину не пришлось долго уговаривать. В плену этикета она безбожно лгала о том, что сыта. На самом деле, ей казалось, что она не ела целую вечность. Она с удовольствием присела на уютный деревянный стул и придвинулась ближе к столу.

«Патрон, я могу вас мысленно поблагодарить! – подумал про себя Владимир. – Вы сегодня щедры, как никогда. Надо мне почаще дамочек приглашать. Глядишь, и самому голодать не придется».

Владимир налил бокал душистого вина и поднес его к носу.

– Какой, однако, прекрасный букет! Вы не находите?

Он наблюдал за тем, как Екатерина Дмитриевна, опустив долу длинные черные ресницы и сделав сосредоточенную мину, уже отпивала вино большими глотками. Токая шея с выпущенным на волю темным завитком нежно шевелилась.

«Как жадно она пьет! Я помню, как она ела пирожные... Должно быть она ненасытна всюду. Ненасытна и жадна до плотских утех».

Небольшой жизненный опыт подсказывал ему, что женщины с хорошим аппетитом, как правило, были неистовы и в постели. Если женщина умела вкусно есть, она была и необыкновенно страстной. Он искоса поглядывал на Екатерину Дмитриевну и с наслаждением наблюдал за тем, как пахучий кусочек пышной булки, щедро смазанный маслом и икрой, проследовал в небольшой, но жадный рот. Он видел, как Екатерина Дмитриевна жмурится от удовольствия. А ее маленький и розовый язычок слизывает с губ несколько икорных зерен.

«Мой бог, она чертовски привлекательна! Какие глаза, тонкий нос... Кружево лифа скрывает маленькие трепетные груди. Я посажу ее прямо на себя. На свой вздыбленный х*й. До конца. Я хочу, чтобы она вскрикнула и закатила в истоме карие глаза. Она будет брыкаться, а я стану удерживать ее...»

Екатерина Дмитриевна действительно ела с большим аппетитом, презрев все словесные реверансы, приличествующие длительной трапезе и светской беседе, сопровождающей оную трапезу. Она была настолько голодна, что ее собственный организм заставил ее забыть на время о приличиях. С таким же аппетитом она проглотила румяный пряженец, промакнув губы платком, вновь глотнула вина и приступила к галантиру.

– Екатерина Дмитриевна, я безумно рад, что вы, вот так вот запросто, пришли-таки ко мне в гости. Я так давно мечтал об этом... – он не готов был признаться самому себе, что внезапный приход Худовой вырвал его из глубокого сна.

Гостья на время перестала есть. Она отодвинула от себя судок с начатым галантиром.

– Понимаете, Владимир Иванович, я собственно, вовсе не собиралась к вам идти ... Вот так. Ночью.

– Помилуйте, дорогая Катрин. Да, если мы будем придерживаться законов местных суток, то непременно одичаем. Вы знаете, ночи тут длятся порой неделями, а то и дольше. Так что же: все это время мы должны лишь спать? При такой-то чудной луне как раз самое время гулять, общаться, встречаться, любить друг друга.

При упоминании о любви, Худова вздрогнула.

– Вы знаете, Владимир Иванович, я уже вполне сыта. У вас очень вкусная кухня, и уютный дом. Я, право, зашла к вам лишь потому, что вы тогда настойчиво меня приглашали. Но я побуду у вас еще немного и, пожалуй, пойду домой. На самом деле, уже поздно!

– Да, полно вам. Расскажите, где вы были все это время? Куда исчезли так внезапно? Мне вообще кажется, что с вами здесь произошло нечто таинственное, отличное от всех нас. Не стесняйтесь меня, доверьтесь. Я прошу вас, – Владимир взял женщину за руку.

Она невольно напряглась и опустила голову. В душе Екатерины Дмитриевны шла невидимая борьба: с одной стороны, она ужасно хотела довериться Владимиру. Он был настолько хорош собой, и глаза его смотрели ласково и доверительно. Екатерине казалось, что если он обнимет ее, она выложит ему все начистоту. Ей хотелось крепкого мужского плеча. Плеча такого же земного человека, какой была она. С другой стороны, она помнила наказ Мегиллы о том, что в этом царстве нельзя доверять ни одной душе. Помнила она и том, что Мег обещала быть рядом, рядом всегда. И сейчас она наверняка слышит не только их с Махневым диалог, но и сами мысли взбалмошной Катьки.

– Катрин, – Махнев вдруг быстро поднялся и обнял женщину за худенькие плечи. – Иди ко мне. Иди ко мне, милая. Сейчас я отнесу тебя в спальню. Не бойся меня. Я прошу! Ничего не бойся.

Он наклонился к ней и принялся нежно целовать ее губы.

«Он точно демон, – едва подумала Екатерина. – Разве хоть одна женщина может устоять против его обаяния? Нет такой. Мег прекрасно знала об этом. О, эти теплые и сильные руки. А губы? Его поцелуи сводят с ума. Будь что будет! Я безумно устала от всех этих игр...»

Владимир подхватил на руки Екатерину и, словно пушинку, отнес ее по лестнице в собственную спальню. Он посадил ее на чуть примятую от сна и разобранную кровать.

– Подождите, Владимир. Нам нельзя... – слабо сопротивлялась Худова.

– Кто тебе это сказал? Я давно хочу тебя, с того самого момента, как увидел тебя в классе у Виктора. Ты настолько прелестна, что уже тогда я мысленно готов был целовать твои руки и ноги. А эти прекрасные родинки, волосы. Господи, как ты хороша!

– Володя, поверьте, я не могу вам всего рассказать. Мне нельзя. Я верна обещанию... Я не должна, – Екатерина лепетала несвязанные слова, но против голоса разума, все ближе прижималась к Владимиру.

Он принялся довольно быстро расстегивать крючки на лифе – сильнее обнажилась нежная, почти девичья грудь. Екатерина задышала еще глубже. Трепет свечей вальсировал на распущенных темных и прекрасных локонах, молочные плечи манили своей хрупкостью и белизной. В какой-то момент Екатерина стала безотчетно помогать ему. Две стройные ножки, облаченные в фильдекосовые ажурные чулки с множеством рюшей, на подвязках, и панталонах с разрезом в шаге, выскользнули из пышной юбки с небольшим турнюром. Владимир встал на колени.

«Как я обожаю такие панталончики. Их ведь совсем не нужно снимать, чтобы...»

Его поцелуи стали более порывисты. Он развел ее острые колени, ему открылся иссиня черный лобок. Екатерина опустила глаза: «О боже, еще совсем недавно Мег велела удалить там все волосы. Что это? Неужели они снова отрасли? Так быстро? Странно...»

Но Владимира ничего не смутило. Наоборот, он приник губами к ее открытому нежному животу и перешел с поцелуями на лобок. Затем он еще сильнее развел ее колени – его язык прорывался к вожделенному зеву. В полутьме Екатерина заметила, что на нем самом уже не было никакой одежды: между узких бедер покачивался огромный красавец с овальной тугой головкой. Екатерина при жизни очень редко видела столь совершенные по красоте и форме мужские члены. Ей безумно хотелось, чтобы он скорее вошел в нее.

«Сейчас я войду в нашу милую девочку, а после лягу и посажу ее на себя. Я хочу, ощутить ее до конца. Хочу увидеть ее слезы и вы***ть так, как никто до меня... Бьюсь об заклад: у нее не было такого х*я, как мой».

– Владимир, – тяжело дышала Екатерина. – Я вас немного боюсь. Он такой огромный.

Но Махнев не слушал ее, сильно захватывая поцелуем нежные губы. Он не давал ей возражать.

Где-то на периферии сознания, Екатерина вспомнила слова Мег о том, что она не сможет устоять перед обаянием коварного барина.

«Да, я не смогла, – призналась самой себе Екатерина и закрыла в истоме глаза. – А не надо было меня поить и кормить. Может, я опьянела просто? Я – просто человек. У меня нет сил, вечно сопротивляться. Боже, убейте лучше меня дважды. Но...» – она слабо оправдывалась перед невидимым судьей.

Махневский нос уперся в выпуклый лобок. Внезапно она почувствовала, как он отпрянул. Его дрожащая рука прикоснулась к ее сладкому лону, которое давно ждало вторжения.

«Почему он медлит? – подумала она и вся поддалась навстречу, широко разведя ноги. – Ну... Да...Я... Скорее же...»

Но вместо этого она увидела, как Владимир вдруг неловко сел на пол подле нее и ошарашено уставился на пухлый лобок. Его пальцы еще раз прикоснулись к ее промежности. Рука устало опустилась.

– Екатерина Дмитриевна, с вами давно случилось подобное?

– Что? – она порывисто села. – Я не понимаю вас, сударь.

– Катенька, простите, но у вас ее нет...

– Чего у меня нет?

– У вас отсутствует ваша королева – пи*да. Ах, черти! – он фыркнул несколько раз, а потом и вовсе рассмеялся в голос. – Неужели они решили вас наказать вот таким, изуверским способом? Вас, а заодно и меня? Ах, какой ужасный афронт!

Тонкая ладонь Екатерины нырнула к устью волосатого лобка. О, ужас! Прямо под волосами находилось совершенно гладкое и ровное место – без единой складки или углубления. Не было там и заветного отверстия. Там вообще ничего не было. У Екатерины закружилась голова. Она потеряла равновесие, взмахнула руками и упала на кровать.

Владимир решил ее немного успокоить.

– Катенька, дорогая, этот мир коварен сверх меры! Не расстраивайтесь, этот камуфлет с вами не навсегда. Поверьте, здесь все меняется быстрее, чем в детском калейдоскопе.

Обескураженная таким поворотом Екатерина, лишь бессмысленно таращилась на своего любовника. Она хотела ему что-то сказать, но вместо звуков из ее рта отчего-то донеслось слабое шипение. Она успела заметить, что боевое оружие Владимира вовсе не упало. А наоборот, снова налилось тяжестью. Теперь Махнев с большим вожделением смотрел на ее алые губы.

– Может...? Иди ко мне... Иначе он треснет от натуги. Прошу тебя...

Но Екатерина Дмитриевна лишь молча смотрела на него, распахнув огромные карие глазищи. Она давно поняла, что у нее пропал дар речи. Во рту появился странный привкус. Она облизала языком губы. Но Владимиру показалось, что изо рта тамбовской красавицы мелькнуло раздвоенное жало.

Тело Екатерины свела ужасная судорога, она вся изогнулась в болезненном порыве. Ей показалось, что руки и ноги мгновенно срослись с телом, а голова уменьшилась. Все метаморфозы прошли за считанные секунды. Дрогнуло пространство, пахло чем-то паленым, неоновые искорки пробежались по смятой простыне.

Владимира замутило. Он резко отпрянул от кровати, а когда вернулся, то в ворохе кружевного белья, утопая в остовах китового корсета, вместо красавицы Екатерины извивалась огромная черная змея. Ему показалось, что глаза у змеи были крупнее, похожи на глаза человека, и блестели от слез.

– Бедная Катенька... – прошептал он. – Да что же это делается!

Внезапно за окном подул сильный ветер. Темное облако заволокло желтый диск луны, ударил гром, сверкнуло лезвие молнии. Порывом ветра распахнулось окно. В комнату влетала огромная черная ворона и присела на спинку кресла. Махнев попятился от непрошеной гостьи. Кажется, он стал догадываться о том, кто виноват во всех этих каверзах.

– Госпожа Мег, – учтиво обратился он. – Я знаю, что это вы. Не смею вам перечить.

Ворона громко каркнула, сверкнув темным бриллиантом выпуклого глаза.

– Уважаемая Мег, я очень рад, что вы почтили меня визитом в моем скромном жилище. Простите мне мою дерзость. Я лишь хотел вступить за Екатерину Дмитриевну. Дело в том, что она ни в чем не виновата. Это я, подлец, пытался ее соблазнить. Поверьте...

Но ворона распушила крылья и снова каркнула. Затем она подлетела к змее, лежащей на кровати Владимира, подхватила ее мощным клювом и с шумом вылетела в окно. В небе снова ударила молния, пахнуло дождем и грозой. Но, как ни странно, оросив пол несколькими каплями дождя и оставив ворох жухлых листьев, гроза укатилась куда-то за горизонт. На небе все также сияла огромная влажная луна. Маленькой точкой на фоне луны мелькнул силуэт гигантской птицы, несущей в клюве черную змею.

Глава 2

Екатерина ощущала порывы ветра и страх высоты. Луна укатилась прочь, вместе с тихой летней ночью. Стало холодать, и одновременно светлеть. На небе появилось бледное утреннее солнце. Екатерина даже зажмурила глаза. Она видела настоящий рассвет.

«О, боже! Где мы? Неужто это реальный мир?»

Они опустились ниже. Ворона присела на потемневшее от влаги бревно, открыла клюв и выпустила Екатерину. Екатерина больно ударилась о холодный песок.

Рядом вскипали волны свинцового моря. Как только лакированный змеиный бок коснулся земли, к ней снова вернулся родной человеческий облик. Только теперь она была обнажена и тряслась от холода. Бледное тело Екатерины Дмитриевны вмиг покрылось гусиной кожей. Холодный порыв ветра осыпал ее с головы до ног ледяным крошевом. Студеная волна обожгла голые ноги.

- Где мы?

- Мы на западном берегу Сканзы[5 - Сканза - название, которое употребляет готский историк Иордан в своей работе «О происхождении и деяниях гетов», для обозначения острова, лежащего в северной стороне огромного моря, которое, в представлениях средневековых авторов, омывало «круг всего мира».]

Мег, скинув птичьи оковы, куталась в черный плащ, подбитый мехом.

- Вот так же, голую, мне тебя привели тогда. Тогда тоже дул сильный ветер с иглами льда...

- Когда? - всхлипнула дрожащая Екатерина.

- Тогда, когда я была сильным воином. Я была мужчиной, и звали меня Ормом, что означало «змей». Я была храбрым воином. Предводителем войска из двухсот викингов. Это было очень давно. В одной из множества прошлых жизней, в восьмом веке. Примерно. Я точно не могу сказать. У нас еще были прошлые жизни, когда ты была женщиной, а я - твоим мужчиной. Но все сразу я не смогу тебе показать. Я без разрешения Виктора, на свой страх и риск, решила показать тебе кусочек лишь этой жизни. Чтобы ты вспомнила меня и... себя... Чтобы ты вспомнила меня, мужчиной. Я была твоим мужем... Хоть и очень недолго. Но была.

Черные глаза Мег, не мигая, смотрели в лицо Екатерины.

- Надень на себя этот плащ и запахнись. И вот... сапоги, - голос Мег звучал хрипло, почти по-мужски.

Екатерина надела высокие мужские сапоги и запахнулась в теплый меховой плащ. Дрожь постепенно унялась. Она вытерла рукавом лицо, мокрое от брызг,

снежной крупы и соленых слез. Шмыгнула носом и огляделась. Они стояли на берегу холодного моря. Свинцовые волны ударялись о каменный берег и с шумом откатывались назад. Море казалось серым и бескрайним. Бледное солнце вставало над горизонтом. Его лучи таяли в чернильных тучах. Вдалеке, мрачным исполином, высился каменный утес. Его подножие тоже омывали ревущие волны. Казалось, что море похоже на злобного зверя, швыряющего веер брызг к ногам нечаянных путников и мечтающего сожрать их пенным языком.

– Так встреча на берегах Рейна была не первой? – робко поинтересовалась Екатерина.

– Нет, конечно. Мы давно живем на этой планете. Я, как дух, намного старше тебя. Но мы успели прожить вместе несколько жизней. Совсем недавно мне открылись эти знания.

– Как?

– Очень легко. Я не знала, что это будет совсем не сложно. Раньше я думала, что встретила тебя впервые в облике Эммы. Но после мне открылось и иное.

– Ты и сейчас мужчина?

– Нет, глупая. Вот уже множество воплощений и меж ними, я нахожусь в теле женщины. Хотя, ты знаешь и чувствуешь, насколько все это условно.

– Мег, вы сейчас говорите от имени мужчины?...

– Я привела тебя сюда, на Сканзу, где я им была. Позже я покажу тебе и другие наши жизни. Не все сразу. Сейчас, ты как дух, находишься на временном исправлении. Поверь, мне это смешно, ибо ни один твой поступок я не считаю ошибкой. А воспринимаю их как твой уникальный опыт. Но мы играем в игру, придуманную не нами. И я не смею ее отменять, ибо не имею на то полномочий. То, что я сейчас говорю, ты не должна пока знать. После ты забудешь о моих откровениях. Сразу, как мы вернемся. Ибо не все знания ты имеешь право получать... До времени. Но об этом, коротком экскурсе в прошлое, ты будешь хорошо помнить.

– Мне кажется, что я вспоминаю этот берег. Я уже стояла на нем.

– Да, ты уже стояла на нем, когда ждала мой корабль. По сути, мы были лихими разбойниками, совершавшими набеги от берегов Скандинавии к берегам Винланды, Биармии и Северной Африки. Порой мы были жестокими и часто грабили те народы, которых покоряли. Мы убивали мужчин, а самых красивых женщин мы забирали в плен. Ты была дочерью одного из кельтских вождей. Твой отец тоже был убит в бою, а тебя, четырнадцатилетнюю девочку, и двух твоих сестер мы забрали с собой. Ты уже тогда была прекрасной зеленоглазой красавицей, с огненно рыжими волосами и очень белой кожей. На твоём лице ранней весной загорались веснушки, а яркие губы были похожи на бруснику. Мне самому было тогда девятнадцать. Я был высоким и черноволосым юношей. И не было во всем племени воина сильнее меня. К тому времени у меня уже было несколько наложниц. Была и невеста. Её звали Тордис. Я должен был заплатить её отцу богатый выкуп и жениться на ней. Но все пошло иначе. Когда я впервые увидел тебя, я потерял голову. Уже на корабле, когда мы плыли нагруженные товаром и сокровищами, я не отходил от тебя ни на шаг. Когда наш корабль причалил к родным берегам, я увел тебя подальше от своих собратьев. Сначала ты ненавидела меня и кусалась, словно дикая рыжая кошка. Мы боролись с тобой, и в этой борьбе я сорвал с тебя остатки одежды. Ты лежала на берегу моря, голая и беззащитная. Дул такой же холодный ветер, как и сейчас. Ты смотрела на меня ненавидящим взглядом. Я дал тебе кинжал, чтобы мы были на равных. Ты хотела вонзить его в меня, но порезала себе руку. Я смеялся, видя твою беспомощность. А потом ты устала бороться и упала на песок. Я подошел к тебе. Ты плакала. Я забрал нож и обнял тебя. Я взял тебя на руки и принес в свой поселок.

Мег махнула рукой.

– Моя семья жила там, на вершине утеса. Нужно ли рассказывать о том, что мои родители были настроены против моей женитьбы на тебе. Не говоря уже о невесте, Тордис. Она была сильной и красивой девушкой. Но, увидев тебя, для меня перестал существовать весь мир. Весь мир я бросил к твоим бледным ногам, моя кельтская королева.

– Я начинаю вспоминать... – задумчиво проговорила Екатерина. – Вот сейчас я отчетливо вспомнила собственные волосы. Да, я была рыжая. И мой отец был рыжим. Зачем твои воины убили его? – Екатерина развернулась. Её карие глаза внезапно позеленели.

– О, ты и тогда много раз задавала мне этот вопрос. Я просил у тебя прощения. Это была война. И законы войны суровы.

Внезапно Екатерина вырвала руку из руки Мег и упала коленями на мокрый песок. Темные волосы закрыли ее лицо. Мег немного опешила и отошла в сторону. Екатерина внезапно выпрямилась как струна и забормотала что-то несуразное. Ее глаза все также полыхали первобытной зеленью.

– Что с тобой?

– Мор-ри-ган! – вдруг зловеще прошептала тамбовская красавица. – Мор-ри-ган!!!

– В тебе проснулся кельтский дух...

– Мор-ри-ган! Дайте мне острый нож. Разведите огонь!

Откуда-то, из-под полы длинного плаща, Мег достала острый кинжал и кинула его в руки обезумевшей Екатерине. Та зашептала что-то несуразное, поблескивая первородной зеленью глаз. Она принялась чертить на песке ножом какие-то рунические знаки и соединять их линиями и неведомыми символами.

– Любовь моя, что ты делаешь? – осторожно поинтересовалась Мег.

– Я должна спасти себя и нашего сына. Они уже близко! Я слышу их шаги. Их факелы горят, подобно огненной змее. Их много... Скоро Селена уйдет с небесного купола. Я должна успеть до рассвета. Я должна оградить себя. Меня хотят убить! Орм, любимый, спаси меня! Сын... – Екатерина странно захрипела, а потом поднялась. Её тело задрожало в судорогах дикого танца. Танца, похожего на пляску безумной.

Морриган[б - Морриган – у ирландских кельтов богиня-воительница. Представала в образе отдельного божества, а иногда как триипостасная богиня. Сама Морриган обычно не принимала участия в битвах, но непременно присутствовала на поле боя и использовала свою силу, дабы помочь той или иной стороне. Также её называли «Великая Госпожа Ворон» и «Великая королева».], ты Ворона Сражения, я обращаюсь к твоему имени,

И к имени Бадб, и к имени Махи,

И к именам всех духов красных владений,
Оградите меня в грядущем сражении,
Оградите меня в грядущем сражении,
Когда рот должен быть закрыт,
Когда глаз должен быть закрыт,
Когда дыхание должно застыть,
Когда сердце должно прекратить биться,
Когда сердце должно прекратить биться.
Когда я поставлю свою ногу на борт ладьи
Которая заберет меня к дальнему берегу,
О Морриган, жрица Авалона, огради мой дух,
О славная Элайн, упокой мою голову на своих коленях.
О Ниму, дочь мудрости, веди ремесло моего духа!

– О, да! Я помню эти твои заклинания, – медленно проговорила Мег. – Ты часто это бормотала по ночам. Ты призывала на помощь своих богов.

– Меня звали Эной... Я вспомнила. Это означало – «огненная». Эна! Такое имя мне дал отец. Я все вспомнила. И эту скалу. Ну почему? Почему ты не успел? Почему ты не спас меня и сына?

Мег смотрела на изменившуюся в лице подругу. Смотрела с широко раскрытыми глазами, полными слез.

– Прости меня, Эна. Я не успел тогда. Я опоздал на два дня. Когда я приплыл, тебя уже не было в моем доме. Мне сказали, что ты сбросилась со скалы. Но я не поверил. И позже я подверг Тордис пытке. Она не выдержала ее и призналась, что вместе с братьями и сородичами сбросила тебя со скалы. Она не простила мне измену и нашу любовь.

– Ну почему тебя так долго не было? Я должна была родить. Сына...

- Это был мальчик?

- Да...

- Зря я притащила тебя к этому берегу. Я - сумасшедшая. Зачем я разбередила все это? - Мег обняла плачущую Екатерину. - Девочка моя, прости меня. Я не смог тебя защитить.

- Мне было больно и холодно, - исступленно шептала Екатерина Дмитриевна. - Твой морской зверь, это ненавистное холодное море, утащило меня в свою пучину. Я ненавижу это море. Будь оно проклято! И прокляты те люди, которые убили меня и сына в моем чреве.

- Поверь, они не прожили долго. Я приказал истребить весь род Тордис. Тебе же я воздвиг памятный камень и высек на нем твое имя. Несколько веков простоял этот камень, пока время и ветра не стерли с него твое светлое имя, Эна. Но я ненадолго пережил тебя. Я всюду искал в бою смерти. И погиб, когда мне исполнилось двадцать три года. Вальхалла[7 - Вальхалла - в германоскандинавской мифологии небесный чертог в Асгарде для павших в бою, рай для доблестных воинов.] принял меня, как и всех других воинов моего храброго народа. Сам Один встретил меня в своих чертогах. Там где была моя могила, расцвел вереск.

- Любимый, как я тосковала... Как я ждала тебя...

- Катенька, мы сейчас уйдем из этого мира и этого времени. Прости, что я заставила тебя вспомнить. Прости, но не все наши жизни заканчивались естественными уходами. Чаще нас убивали. Меня однажды сожгли на костре - толпа озверевших горожан. Я как-то рассказывала тебе об этом.

- Да, я помню, - Екатерина все смотрела и смотрела на высокую скалу, с которой ее когда-то скинули.

- Лишь на прощание, мы сейчас тихонько подойдем к нам, спящим. Тем. Просто, чтобы посмотреть.

- А разве это возможно?

– Да. Время и пространство разделено сейчас на множество пластов. Мы можем на пару мгновений взглянуть на себя со стороны. На то, как мы были некогда счастливы.

– Сами на себя?

– Да. Молчи и ничего не спрашивай. Одно лишь мгновение...

Екатерина почувствовала, как крепкая и прохладная ладонь ухватила ее сильнее и потянула за собой. Ноги мягко оторвались от мокрого песка. Они взлетели над обрывистым песчаным берегом. Перед глазами мелькнули пучки жухлой травы и заброшенные птичьи гнезда. Ветер рвал на них темные плащи и обжигал холодом лица.

Вдалеке показалась стена темного ельника. Перед ним, на небольшом холме, стоял поселок воинственных викингов.

– Я все помню... – прошептала Екатерина. – Я точно тут жила. Правда, недолго. Я помню этот лес. Я ходила туда за дикими ирисами, травой Фригг[8 - Friggjargras (травы Фригг)]. Произрастающее в Исландии растение – гренландская ночная фиалка – получила имя одной из самых известных богинь скандинавского пантеона. Фригг, супруга Одина и мать Бальдра, известна нам по общим источникам скандинавской мифологии.] и ягодами. О, боже! Трава Фригг! Это же ночная фиалка! Вот почему от тебя все время пахнет ночной фиалкой, Мег! Я рвала ее для тебя... Я варила из нее напиток.

– Нет сильнее любовного напитка, чем настой травы Фригг. Я полюбила этот запах именно с того времени. После твоей смерти я долго рвал эти цветы и украшал им камень с твоим именем. А еще я собирал нежные и пушистые цветочки сон-травы. Помнишь, как ты любила плести из них венки?

Через несколько минут Мег и Екатерина стояли возле знакомых сердцу высоких ворот, на которых были высечены рунические знаки. Верх ворот украшал широкий красный щит. Их длинный дом походил на морскую ладью. Мощные бревна составляли основу глиняного жилища. Из-за двери потянуло дымком. Мег и Екатерина неслышно проскользнули в полуприкрытую дверь. У молодоженов не было в жилище скота. Орм недавно построил этот дом. И он сильно

напоминал огромную лодку, плывущую по Северному морю. Молодые спали на теплых звериных шкурах. Мег и Екатерина смотрели на собственные души, заключенные в иные тела. И эти юные тела были прекрасны. Нежная и белокожая Эна склонила рыжеволосую голову к плечу прекрасного черноволосого юноши, которого звали Ормом. От молодоженов поднималось тонкое свечение, имя которому – любовь.

Мег и Екатерина на одно лишь мгновение влились в свои прежние тела и испытали тихий восторг и немислимое единение.

Екатерина закрыла в истоме глаза и тихо прошептала имя любимого: «Орм...»

Ее щеки коснулись пальцы Мег.

– Я с тобой, моя девочка. Теперь я всегда буду с тобой.

Они летели в теплом облаке. И полет этот был полетом сквозь время и пространство. Екатерина сжималась, видя, как менялись очертания земли внизу. Как рушились материки, и уходили под воду скалы, как распускались и опадали листья, как целые народы в войнах убивали друг друга, и снова земля затягивала обугленные раны и рождала поля пшеницы и яблоневые сады. Екатерина видела, как высыхают реки, и заново вскипают подземные воды. Все эти видения проносились быстрой чередой.

Екатерина закрыла глаза. А когда открыла их, то они были уже во дворце Мег. Они лежали в одной из ее огромных спален и обе молчали. Первой нарушила тишину Екатерина Дмитриевна.

– Мег, а разве ты не можешь взять сейчас облик Орма?

– Я часто бываю им. И другими мужчинами, чьи тела я некогда носила. Ты уже чувствовала это и убеждалась в моей маскулинности...

– Но почему не остаться мужчиной навсегда? Ради меня...

– Видишь ли, последнее мое воплощение прошло в теле женщины. И женщины непростой. Обстоятельства и человеческая злоба превратили меня в ведьму. Уже

несколько веков я совершенствуюсь именно в этом ремесле. Здесь есть негласное правило – оставаться в том облике, каком жил последнюю жизнь, пока не начал другую. Я не могу отойти от традиции. Хотя, склонна очень часто ее нарушать. Я обещаю тебе, что Орма ты станешь чувствовать теперь намного чаще, – Мег улыбнулась.

– За это время ты ни разу не попрекнула меня Махневым, – настороженно поинтересовалась Екатерина. – Ты сильно сердишься на меня?

– Нет. Теперь уже нет...

– Почему?

– Пока ты была у него, я вспомнила давно забытую библейскую истину.

– Какую? – Екатерина удивленно посмотрела на Мег.

– В общем и целом ее смысл заключен в одной лишь фразе: «Не искушай...». Любимых нельзя искушать. Это грех.

* * *

Они обе молчали, предаваясь долгим воспоминаниям. Но Екатерина Дмитриевна приподнялась на локте и внезапно весело фыркнула.

– Что ты?

– Я вспомнила лицо Владимира Ивановича, когда он увидел у меня между ног пустое место. Ха-Ха! До такого могла додуматься только ты!

Обе женщины весело рассмеялись.

* * *

– Да, до такого могла додуматься только Мег! – весело проговорил Виктор, вылезая из позолоченной рамы на стене.

Демон лукаво улыбался. Одет он был в шелковую рубашку на выпуск и тонкие шерстяные брюки. Во всем облике сквозила элегантная небрежность.

Владимир лежал на кровати, скрестив руки за головой. Он задумчиво смотрел на полную луну и курил сигару. Вещи исчезнувшей Екатерины Владимир собрал в один узел и бросил их на дальнюю полку шкафа – чтобы ничто не напоминало о страшной метаморфозе, происшедшей с его несостоявшейся любовницей.

– Вам смешно?

– Помилуй, да эта сухопарая истеричка точно сумасшедшая! Лишить Катю самого главного! Её ревность доходит иногда до абсурда. А propos, я как-то, на днях, был у нее дома. Она встретила меня радушно и учтиво и провела в одну из своих гостиных. Ты знаешь, что все мои подопечные обустроивают свои дома, согласно их вкусам и предпочтениям. Хм... Вкусам! – демон снова хохотнул. – Кстати, Пьер Бауст, совершенно потрясающий писатель и автор «Словаря французского языка», говорил, что «Вкус – не более как тонкость здравого смысла» Здравого! Ты понимаешь?

– Понимаю, – улыбнулся Владимир.

– А Жан Поль Рихтер, немецкий писатель и сентименталист, писал, что «Вкус – это эстетическая совесть». Совесть! Понимаешь?

– Понимаю...

– А раз понимаешь, то скажи мне, зачем эта ведьма разместила у себя в зале огромное полотно, во всю стену, на котором крупным планом изображена женская пи*да?

– Ха! Патрон, вам ли быть недовольным подобным произведением искусства? Неужто вы можете быть фарисеем?

– «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры!»! Я и фарисейство? Нет. Это несовместимые понятия. Но я полагал, что потомственной ведьме, бывшей во многих жизнях дамой голубых кровей, носившей в разные времена княжеские и графские титулы, не пристало вот так вот, публично, выставлять на суд зрителей собственное произведение, посвященной такой странной тематике.

– Она сама нарисовала эту картину?

– Да, представь себе!

– Ты же видел тематику моих натюрмортов. Неаполитанские дворики. Милая сердцу Италия, берега Луары. А тут? Такое непотребство. Тощие ноги в синих чулках, и меж ног волосатый женский лобок. Странность какая-то! Ты не находишь?

– Не могу судить, не видя, – улыбнулся Владимир.

– Не можешь? Хорошо, я сделаю тебе копию и покажу.

– Буду вам очень признателен. Как мне кажется, и история доказывала это, феномен искусства иногда опережает, и на время нивелирует понятия вкуса.

– Ты полагаешь?

– Да, ныне знаменитые и признанные произведения искусства общество всегда, в самом начале, встречает в штыки, награждая сии творения ярлыками «безвкусицы». И только время ставит все на свои места. Ибо само произведение дает начало новому направлению вкуса.

– Хм... Мне понятна твоя мысль! Быть может, пройдет какое-то время, и я увижу эти синие чулки с пи*дой в Лувре?

– Кто знает? – усмехнулся Владимир. – Во всяком случае, многие ваши подопечные обладают всяческими талантами.

– Это да! Вот и ты, например...

– А что я? Я так... марал бумагу зря. Сами же мне пеняли на этот факт из моей биографии.

– Мой друг, все течет, все изменяется. Твой дух растет, а вместе с ним растут и способности. Кто знает, какими виршами или прозой ты удивишь меня в следующей жизни. Обещаю, что я не буду столь же критичен. И у меня меняется... вкус... – демон хохотнул. – Ну ладно, я тебя немного уболтал. Отдыхай, пока ночь. А то очень скоро я направлю тебя на очередной урок. Поверь, он будет чуточку тяжелее всего остального. А пока набирайся сил. Они тебе понадобятся. А старой лесбиянке Мег я прикажу тебя более не тревожить. А то будит моего *le favori*, подсылает к нему баб без пи*ды... Это же надо, додуматься до такой пакости! Уму непостижимо.

Виктор залез в позолоченную раму и махнул на прощание узкой ладонью. После его ухода рама сама собой деловито натянулась холстом. Изящная колонковая кисточка обмакнулась в невидимую глазу палитру. Размешала таинственные краски и принялась размашисто двигаться по холсту. В этот раз магистр отказался от своей привычной тематики. На холсте появилась круглая спина и вялый зад флегматичной на вид одалиски. Ее профиль походил на профиль глупой овцы. Одалиска была изображена на фоне роскошного восточного дворца. Она очень походила на образ Большой Одалиски, кисти знаменитого Энгра. Если бы не крайне глупое выражение лица женщины и слишком тяжелый, непропорционально тяжелый зад. Кисточка замерла в некотором замешательстве. Потом приделала на голову непривлекательной бабы сложного вида тюрбан с медными украшениями. Станным было и то, что нарисованный тюрбан, не выдержав тяжести массивного украшения, внезапно свалился с одалиски, вместе с волосами, обнажив совершенно голый, блестящий череп. А сама обнаженная дива повернула лицо к Владимиру и принялась дурашливо скалиться и моргать длинными ресницами. Раздался протяжный вздох, и кисточка, набрав на кончик ярко-зеленой краски, внезапно перечеркнула неудавшийся шедевр. Одалиска задрожала и протекла на пол крупными телесными каплями, похожими на растопленное сало... Холст недолго оставался пустым. Этой же, зеленой краской, был нарисован чудный летний пейзаж средней полосы России и белая беседка с едва уловимым тонким силуэтом барышни, в легком розовом платье. На миг Владимиру даже показалось, что он почувствовал ароматы летнего полдня.

«Виктор, как всегда, неподражаем...» – усмехнулся Владимир.

Махнев продолжал курить сигару и заморожено смотреть на полную луну, лежащую словно на блюде, прямо за его окном.

«Да, жаль, что Катька не станет моей любовницей. Старая ведьма никогда не позволит ей быть со мной. К чему вообще были все эти странные реверансы? Её приход? К чему все это? Подразнить меня? Ну, их к черту, всех этих баб! Все они ведьмы...»

Он перевернулся на другой бок и попытался уснуть. Но сон, как назло, не шел к нему. Гулять тоже не хотелось.

«Виктор говорил о моих стихах. Но, что стихи? Правильно он сказал, что я не Пушкин. А быть посредственным поэтом – стыдно. Почему при жизни я не пытался писать прозу? Мне есть, о чем написать».

Владимир даже сел. Его охватило непонятное волнение.

«Интересно, а здесь есть бумага и перья? Может, надо их мысленно представить, как и еду?»

Он снова посмотрел в сторону окна. Сноп холодного лунного света теперь падал не прямо на пол. Поток встречал на пути некую прямоугольную, блестящую преграду. Махнев присмотрелся и ахнул. Рядом с окном, вплотную к подоконнику, стоял небольшой письменный стол и довольно удобный, мягкий стул с высокой спинкой. Махнев стремительно подошел к столу. На углу стола стоял высокий подсвечник с виньетками и шестью свечами. Но Владимир не стал зажигать свечей. Луна светила так мощно, что было светло, словно ясным днем. Ровной стопкой перед Владимиром лежала пачка белоснежной писчей бумаги. Рядом с ней красовался малахитовый прибор с несколькими чернильницами и каменным стаканом, наполненным хорошо очиненными, гусиными перьями. Тут же лежал и перочинный нож. У Владимира при виде этого богатства сильнее застучало сердце, и задрожали руки. Он отодвинул стул и присел к столу.

«Как давно мои руки не держали перо, – подумал он, едва справляясь с волнением. – Прошла целая вечность! А между тем, я сочинитель. И был им всегда, не смотря на всё критиканство здешнего Авгура. Все, что со мной происходит сейчас, это временно. А творчество – вещь более постоянная. Я давно чувствую непреодолимое желание, попробовать себя в прозе. Я ведь еще

тогда, в Летнем парке, подумал о том, что непременно должен записать рассказы моих теперешних товарищей. Они все были полны удивительными подробностями».

Владимир на минуту задумался о том, как назвать сборник своих новелл. ««Сон в летнюю ночь»? Хм? Нет, такое название уже было у Шекспира. Черт! Надо придумать что-то другое. «Сны моих друзей»? Как-то тривиально... «Путешествия во снах»? Нет... Лучше «Блуждание во снах». Ладно, оставлю пока так. Может, потом изменю название».

На титульном листе он размашистым почерком написал заголовок. И взял другой лист. Снова задумался.

«Первую главу я посвящу описанию приключений господина Булкина, моего верного друга».

Владимир сосредоточился и начал вспоминать рассказ Макара. Незаметно он увлекся. В комнате стояла полная тишина, только перо едва поскрипывало, выводя буквы на бумаге. Откуда-то, со стороны поля, потекла знакомая Лунная соната Бетховена. Музыка звучала негромко, но Владимир хорошо знал и любил эту мелодию. Луна таинственно освещала ровные строчки, серебрила каждую букву. Лунный поток струился так мощно, что казалось, по нему можно прогуляться пешком. Владимир с наслаждением писал первый абзац. За ним пошел и второй. Буквы тянулись сами, будто ткались из лунного луча и густых фиолетовых чернил. Никогда еще его творчество не было овеяно такой волшебной атмосферой. Казалось, что сами музы едва дышат от блаженства. Оторвался он от бумаги лишь тогда, когда исписано было полных три листа. Владимир решил перечитать то, что у него получилось. Он пробежал глазами первый и второй абзацы. В этот момент музыка за окном утихла. А лунный свет стал чуточку тусклее.

Владимиру не понравилось то, что он написал. Начало рассказа выглядело нелепо, повествование казалось немного скомканным. А сам текст выглядел плоским.

«Как сделать текст объемнее? – подумал Владимир – Здесь, на бумаге, вышло все слишком плоско. А должно быть более объёмно, образно и выпукло как-то. Да, черт! Как это сделать? Мне нужен объем!»

После этих слов раздался странный шум. Заложило уши. Неожиданно вся обстановка его комнаты пришла в хаотичное движение. Вещи стали расти прямо на глазах, делаясь выше, шире и объемнее. Стол, за которым он сидел, вдруг вырос до размера слона и раздулся так, словно его деревянная субстанция стала резиновой. Таким же образом увеличилась и вся другая обстановка спальни. Ободрав спину бурным ростом, позади разрослась кровать. Владимир снизу поглядывал на светлую гору простыней. Она казалось ему огромным белоснежным айсбергом. Слева от него возвышался гигантский стул. Потолка самой комнаты и вовсе не было видно. Очевидно, он заканчивался где-то в темноте звездного неба. Окно расширилось до немыслимых размеров, и Владимиру чудилось, что он висит в какой-то невидимой точке вселенной. А прямо перед ним, желтковым боком, выпирал край зловещей луны. Мнилось, протяни руку, и дотянешься до ночного светила. Мало того, в темноте довольно явственно обозначились исполинские холмы, от которых шло лиловое сияние. Эти холмы походили на гигантскую гребенку цветных барханов, убегаящих в направлении к Секвойевой роще. Лавандовые поля и лес вспучились от неведомой внутренней силы. Весь прежний пейзаж, привычный и правильный в своей форме, теперь походил на изломанную декорацию. Смешались звуки, цвета, ароматы. Владимир смотрел на искаженное пространство и боялся пошевелиться или вздохнуть. От каждого его вдоха дышали и колыхались надутые предметы. Махнев затаился. Потянуло свежестью. Рядом с ухом невинно застрекотал сверчок.

«Да... постарались вы с объёмчиком! Нечего сказать! Получилось выпукло! А ничего, что я совсем не это имел в виду?»

Он тихонько чертыхнулся.

– Я имел в виду объем текста, его красоту, а не что-то иное. И-эх!

Сверху раздалось какое-то слабое шуршание. Он поднял глаза к небу. Из темноты, плавно, словно листья гигантского клена, на него падали листки белой писчей бумаги. Они приземлились ему прямо под ноги. Темные чернильные буквы казались чужими и колючими. Он снова пробежал глазами по строчкам и в бешенстве смял их. Голова устало откинулась к простынному холму. Сон смежил веки.

Сколько прошло времени, он не знал. Когда Владимир проснулся, вся обстановка в комнате приобрела свои привычные размеры. Сам он лежал на кровати, под

одеялом. За окном светила огромная, но такая уже привычная для этих мест луна. Сверху светлел потолок его спальни. Все предметы приняли свою знакомую форму и очертания. Ничто не напоминало о гигантских барханах и раздутой мебели. Серебряные лучи бросали холодный свет на блестящую поверхность письменного стола. Письменный стол не исчез. Его, к тихой радости Владимира, все-таки оставили. На столе, ровной стопкой, лежали чистые, неисписанные листы, а рядом гусиное перо.

Владимир тихонечко встал. Сильно хотелось пить. На комод, возле огромного зеркала, стоял графин с водой. Пока Владимир наливал в стакан воду, зеркало не заставило себя ждать с поиском нужного образа. По блестящей поверхности прошла знакомая волна, замигали красноватые огни, и зеркало вмиг обрядило своего хозяина в темную, курчавую шевелюру и длинные бакенбарды. Из блестящего овала на нашего героя смотрел до боли знакомый образ. Владимир даже растерялся от такого поворота. Он чуть не подавился водой и, отпрянув от комода, поклонился:

– Александр Сергеевич, это вы? – робко поинтересовался он.

Изображение в зеркале приосанилось, сложило руки на груди, в тонких смуглых пальцах мелькнуло гусиное перо.

– Да, я, – фальшивым и немного скрипучим голосом объявил зеркальный образ великого поэта.

Именно этот голос убедил Владимира в том, что его снова бессовестно разыгрывают.

Он пошевелил рукой, и поэт пошевелил, он скорчил гримасу – скорчил ее и Пушкин.

«Господи, что я делаю? Это мерзкое зеркало снова глумиться надо мною»

После гадкого кривляния, зеркальный образ нахмурился и произнес каким-то механическим голосом:

– Махнев, «не тот поэт, кто рифмы плетть умеет»

И, перьями скрипя, бумаги не жалеет.

Хорошие стихи не так легко писать...»[9 - Из стихотворения «К другу-стихотворцу» (1814) А. С. Пушкина.]

- Ах, Александр Сергеевич, как хорошо я знаю эти ваши строки. Я и сам их неоднократно упоминал. Но, я же решился на прозу.

- А и прозой своей нечего бумагу марать! - взвизгнул фальшивый Пушкин.

Зеркало заволновалось, а образ Пушкина стал бледнеть и таять, размываться, словно ветхая от времени страничка пожелтевшей книги.

- А это мы еще посмотрим: что стоит делать мне, и что не стоит более. Но это все в моей лишь воле... Тебя ж, злобное зеркало, насмешек, глупых призраков приют, я разобью, как только все уроки мои на этом свете истекут. Тогда втащу тебя на задний двор и там с великим упоением возьму в десницу я топор и разобью в осколки... Месть моя тебя не минет, подлое творенье!.. Ой, что я несу? Опять стихами?! Что со мной? Это не я говорю. Черти, вы задурили мне всю голову.

Владимир поднял глаза. Зеркало показывало ему его собственное отражение. Владимиру стало смешно... Он расхохотался. И пошел спать.

Он немного поворочался и снова задремал.

Казалось, Владимир спал без сновидений. Разбудило его птичье пение и стрекот кузнечиков.

«Что за новости?» - едва подумал он и лениво повернулся на другой бок. Сквозь закрытые веки он увидел широкий сноп света и невольно зажмурился. Рука прикрыла глаза. Это был летний солнечный свет. И шел он не со стороны распахнутого окна. Нет, комната все также пребывала в ночном полумраке, разбавленном стрелами ускользящей по небосводу огромной луны. Можно даже сказать, что темнота стала гуще, ибо лунный свет наоборот поредел, по сравнению с тем часом, когда он так неудачно попробовал себя в прозе.

Темнота роилась по углам комнаты, зато, прямо на противоположной стене, там, где висела картина, нарисованная кистью демона, произошли значительные изменения. Зеленый летний пейзаж, со светлой беседкой в перспективе и женской фигуркой в розовом платье, стал ярче, больше и живее. Картина со стены опустилась почти до самого пола. Именно от нее шел яркий летний свет. Полилась песня жаворонков, подул свежий ветерок.

Владимир, не веря своим глазам, приподнялся на локте и посмотрел в сторону огромной рамы. В комнате все ошутимее запахло летней луговой травой, горячей землей и почему-то сдобой. Он невольно опустил ноги с кровати. Голые ступни ощутили нечто прохладное. Владимир посмотрел на пол. Босые ноги стояли на зеленой траве. Да, да! От его кровати, до картины, прямо по полу, стелилась травяная тропинка. Он и пошел по ней. Казалось, что из темного сарая распахнули дверь в летний полдень, и что не мешало бы покинуть этот «сарай» и выйти на свежий воздух. Как только Владимир вошел в живую картину, оставленную демоном, он задохнулся от порыва свежего ветра. Голова закружилась от высоты синего неба и бегущих ватных облаков. Он готов был поклясться, что попал в мир яви. Ибо все в этой картине было живо, и простор был самый, что ни на есть настоящий, какой бывает на залитых солнцем российских лугах и долах. Он остановился в небольшой задумчивости. И все же решил вернуться на минуту в комнату, чтобы надеть на ноги легкие сапоги. Штаны и светлая рубашка казались ему вполне подходящими для летней прогулки. На всякий случай он захватил с собой изящную бархатную куртку. Ее он перекинул через плечо, пригладил русые кудри и решительно зашагал по раскидистому лугу. Он прошел треть версты, спускаясь все ниже, к подножию холма. То, что ранее ему казалось лугом, оказалось небольшой возвышенностью. А когда наш герой оглянулся, то увидел, что прямоугольный темный проем, обратный вход в его комнату, остался на самой высшей точке этого холма. Этот вход темнел так, словно за ним начиналась сама бездна.

«А имею ли я право, гулять по всяким картинам? Что за странные пределы раскинул предо мной Виктор? Или это не он? Может, мне сюда нельзя? В случае чего, я могу и назад вернуться, в свою комнату. Дверь стоит на месте, и никуда не исчезает...»

После этих рассуждений он двинулся дальше. Чем ближе он подходил к резной беседке, тем отчетливей ему стало видно то, что стройная дама в розовом платье находится в ней одна. Сначала она стояла спиной к Владимиру и смотрела вдаль, где широко раскинулся зеленый луг. Чуть левее, огромными

исполинами, высились серебристые ветлы. Блестела гладь довольно широкой синей реки, за которой зеленел пролесок, и шли разноцветные, словно лоскуты поля, до самого горизонта. Летнее солнце стояло в полуденном зените, от жары у Владимира выступила испарина.

«Господи, как хорошо-то! И дышится легко! – думал Махнев. – Похоже, я где-то в родных краях. Кто эта дама? Может, это ... Глаша? Вот был бы щедрый подарок!»

Вдруг дама обернулась. Это была не Глафира Сергеевна... У этой дамы тоже были русые волосы, с золотистым отливом. Но эта женщина была чуточку старше. На вид ей было лет двадцать пять. Она имела пышные, округлые формы. Высокая грудь пленительно вздымалась под тоненьким жатым шелком летнего платья. Талия была туго затянута в корсет, выпуская на волю пышные бедра. Похоже, что в фасоне ее платья отсутствовал турнюр. И ниже корсета, сзади, выпирал естественный, очень пышный зад.

«Ого, какой у дамочки роскошный афедрон! Таким булкам позавидовала бы любая», – промелькнуло в голове у нашего Казановы.

Тонкие черты казались довольно миловидными. Взгляд голубых глаз был чуточку рассеян и лукав. Длинные ресницы бросали тень на глаза. Полные губки открывали жемчуг белых зубов. Волосы, собранные в высокую прическу, слегка растрепались. Одна из прядок упала на грудь.

«А незнакомка определенно хороша!»

Он подошел к беседке. Ее стрельчатый белый купол, похожий на восточный шатер, закрывал от сильного солнца и ветров. Резные квадраты стен до середины были увиты плющом и лиловым вьюнком. В углу беседки стояла удобная скамья.

– Ой, Владимир Иванович, вы уже приехали? – незнакомка всплеснула руками, покраснела и сделала несколько шагов навстречу.

Кровь прилила к ее бледному от жара лицу. Круглые щечки порозовели.

- Да, сударыня? - он вопросительно посмотрел на женщину.

- Ой, мы с вами не знакомы. Иван Петрович, супруг мой, рассказывал мне о вас. И по его описанию я вас сразу и узнала, - смущенно улыбнулась она.

- Иван Петрович?

- Ну, да. Грабов Иван Петрович. Вы же к нему приехали? Это его поместье. А я его супруга. Меня зовут Елена Николаевна.

- Елена Николаевна, я очень рад знакомству, - молвил Владимир и галантно поклонился.

- Супруг не дождался вас на той неделе и укатил в Земское собрание. Он на днях должен приехать. Дня через три. Он велел мне вас встретить и устроить в нашем доме. Наказал развлекать вас, пока он сам не вернется из поездки.

- Да? - удивился Владимир.

Но вслух не стал опровергать ту ситуацию, в которой он так неожиданно оказался.

«Грабов? Грабов? - напряг он память. - Кто такой? Черт! Совсем незнакомая фамилия. Совершенно не помню такого господина».

И словно в ответ на его мысли прекрасная Елена Николаевна чуть сбивчиво, смущаясь и скромно поглядывая на гостя, стала пояснять то, чего Владимир совсем не понимал.

- Муж сказал, что знаком с вами чуть ли не со студенческой скамьи. Рассказывал, что неоднократно встречался с вами в Сенате, когда вы еще служили в чине «коллежского ассессора». Рассказывал о том, какой вы благородный человек и талантливый сочинитель.

- Даже так?

– Да... – мило улыбнулась она. – У него до сих пор в альбоме есть ваши прекрасные вирши и несколько эпиграмм. Он очень гордился вами. Всегда считал, что из вас вышел бы прекрасный поэт или писатель. Он так и говорил: «Махневу бы не сельским хозяйством заниматься, а сесть серьезно за сочинительство».

– Я полагаю, что Иван Петрович ко мне слишком необъективен.

– Да нет же! – с жаром воскликнула Елена Николаевна. – Я ведь и сама читала ваши поэтические строки. Они замечательны!

– Вы находите? – искренне удивился Владимир, и счастливая улыбка против воли неожиданно засияла на его лице.

– Я так рада, душевно рада, что вы наконец почтили нас своим вниманием. Ванечка приедет дня через три. Вам не придется долго скучать. У нас богатая библиотека, сад, река, купальня. Повар сейчас поставит пирогов с рыбой.

«И кто же ты, брат мой Грабов? Отчего я тебя совсем не помню? Я очень тронут тем, что ты, неизвестный господин Грабов, помнишь меня и пригласил в гости. Я также рад тому, что у тебя такая хорошенькая супруга. А еще больше тому..., что тебя не будет целых три дня».

– Пойдемте, я покажу вам нашу усадьбу, сад.

Она вышла из беседки, захватив со скамьи изящную соломенную шляпку, и жестом пригласила Владимира следовать за ней.

Они свернули на тропинку, впереди белела небольшая березовая роща. Владимир еще раз обернулся в ту сторону, где на самой высшей точке холма стояла дверь, из которой он попал в этот милый летний день, в поместье семейства Грабовых. Дверь, или проем, ведущий из картины, назад, в комнату Владимира, все также чернел угольной темнотой. Елена Николаевна перехватила его пытливый взгляд в сторону луга, но ее лицо не выдало и тени удивления: будто черный проем, стоящий на вершине зеленого луга, это обычное явление. А может, он был невидим для нее?

– Какая нынче жаркая погода. Я плохо переношу зной. Спасаясь лишь утренними прогулками и вечерними купаниями, – легко пожаловалась она и снова улыбнулась милой и кроткой улыбкой.

Она прошла чуть вперед. Сквозь тоненькую ткань розового платья и нижнюю батистовую юбку отчетливо проступали контуры ее роскошных ягодич. При каждом движении они упруго покачивались. Такая талия переходила в узкую спину. Широкий ворот обнажал начало нежной спины. Махневу до ужаса захотелось прикоснуться к ее светлой коже. Даже на расстоянии нескольких шагов от дамы веяло каким-то тонким ванильным ароматом.

Что это за запах? От него кружится голова, и хочется ее обнять. Вдвоем они оказались в березовой роще. На поляне летали бабочки и стрекозы, шумели толстые шмели. Елена Николаевна вдруг оступилась и ойкнула. Владимир протянул ей руку. Ее маленькая ладонь оказалась удивительно нежной, чуть влажной от жары. Она хотела в смущении одернуть руку, но Владимир вдруг быстрым движением поднес ее к своим губам и поцеловал.

Женщина снова вспыхнула.

– Елена Николаевна, вы позволите мне предложить-таки вам свою крепкую ладонь? Возьмите меня под руку. Здесь лес, и множество коряг и пеньков. Не ровен час вы снова оступитесь.

– Бог с вами! – возразила она. – Я отлично знаю эту дорогу и прошла бы по ней даже с закрытыми глазами. Все дело в том, что я сегодня надела новые туфельки. А они мне немного жмут.

Она подняла край длинной юбки и показала носок беленькой узкой туфли. Юбка взметнулась чуть выше, обнажив тонкие щиколотки и начало стройных икр.

– Давайте тогда я вас возьму на руки и донесу до усадьбы? – предложил Владимир.

– Нет, что вы. Благодарю. Тут недалеко. Я дойду сама, – она посмотрела на него так смущенно и вместе с тем нежно, что сердце Владимира сделало в груди кульбит.

Он смотрел на родные его сердцу березки, елочки, траву и полевые цветы.

«А может, эта дверь, которая открылась вот так, по ошибке, и есть вход в другую жизнь? И я, погостив у этого милого семейства, возьму пару гнедых и укачу в Нижегородскую губернию?»

От этой перспективы у него закружилась голова. Легкие наполнились свежим лесным воздухом. Он поднял голову вверх – синее небо лучилось от солнца, настоящего солнца.

– Как тут у вас хорошо-то! – воскликнул Владимир.

– Да! У нас чудные места, – подтвердила с улыбкой хозяйка. – Я знала, что вам понравится. А направо, полверсты вперед, у нас разросся большущий малинник. Отец Ивана когда-то к дикой малине посадил кусты садовой. И теперь вся ягода там превкуснейшая. Мои девушки ходят за ягодами, а я варю варенье. И земляники у нас видимо невидимо. И цветов.

– Краше всех цветов в вашей усадьбе – ее хозяйка, – отвесил Владимир комплимент своей обворожительной спутнице.

Наконец, они подошли к небольшой возвышенности, на которой стоял старинный двухэтажный каменный дом, крашенный голубой краской, с мансардой и четырьмя колоннами. Окна дома были распахнуты. Лишь светлые занавески почти не шевелились от летнего зноя.

– Пойдемте на веранду. Я прикажу подать туда обед. Вы, верно, проголодались?

– Я? – Владимир стал припоминать, когда он ел в последний раз.

«Похоже, я ужинал вместе с Екатериной, перед ее страшными метаморфозами. Но, черт знает, сколько времени прошло с тех пор. Мне кажется, я слишком долго спал».

Он оставил свои рассуждения на потом, тем паче, что желудок хозяина подтвердил своим урчанием то, что пренебрегать обедом совсем не стоит.

Обстановка на веранде выглядела довольно уютной. Белая скатерть покрывала округлый стол. На столе возвышалась фарфоровая ваза садовыми ромашками. Вокруг стола располагались уютные стулья, плетенные из лозы, с мягкими подушками на месте сидений. Здесь, под сенью высокой крыши, в тиши зеленых лип, было прохладно и чертовски уютно.

«Господи, как тут хорошо! Я бы тут жил», – подумал Владимир с умилением.

Расторопная горничная подала им несколько холодных закусок, мясной пирог, заливное из рыбы, свекольник со сметаной, горячие шаньги с творогом, туюсок меда, тарелку с клубникой и бутылку вина.

– Я, по-правде сказать, не знала, в какой день вы приедете. А потому пирог с белорыбицей прикажу испечь прямо при вас, дорогой мой.

– Спасибо, премного благодарен, – отвечал Владимир, приступая к трапезе. – Позвольте, я поухаживаю за вами, Елена Николаевна, в отсутствие хозяина сего великолепного и гостеприимного дома.

– Да, я даже буду этому рада, – оживилась хозяйка. – Разлейте вина.

Владимир даже не заметил, что красавица причесалась перед обедом и припудрила маленький носик.

Они выпили по бокалу токайского вина. Елена Николаевна тут же чуточку захмелела. В отличие от Владимира, она ела мало – лишь откусывала небольшие кусочки от каждого блюда.

Владимир же, наоборот, неплохо пообедал и откинулся в кресле.

– Елена Николаевна, вы позволите полюбопытствовать?

– Да? Я вся во внимании.

– У вас есть дети?

– Нет еще, – смущенно произнесла она. – Мы живем с мужем вот уже пять лет, но господь так и не послал нам детей.

Она чуточку погрустнела.

– Раньше тут жили родители мужа и его сестра. Но сестра вышла замуж, а родители умерли. Теперь лишь мы с Ваней здесь хозяйствуем. Приказчик у нас неплохой. Бывают и гости наездами. У меня пять племянников. Так что, скучать не приходится.

– Еще раз благодарю вас, Елена Николаевна, за гостеприимство.

– Ой, да что вы, – улыбнулась она. – Накормить-то я вас накормила... Да, вот же, право, совсем не знаю, чем развлекать вас далее.

– А покажите-ка мне сад, – предложил Владимир. – Или нет, пойдемте лучше к реке. Хочу посмотреть на вашу купальню.

– А пойдемте! – она решительно встала. – Вода сейчас как парное молоко. Купаться – одно удовольствие. Там, возле купальни, у нас построен небольшой флигелек на две половины. В нем есть банные халаты, новые купальные костюмы, полотенца, гребни. Все приготовлено на случай приезда гостей. Вы там сможете переодеться и искупаться на мужской половине.

– Отлично. Идем!

Не прошло и десяти минут, как Владимир Иванович Махнев и Елена Николаевна Грабова, миновав небольшую рощу и луг, спускались по деревянным ступенькам, ведущим с холма к реке.

Они весело и непринужденно болтали о всяких глупостях. Елена Николаевна мило кокетничала, чуть опьяненная вином. Владимир вел себя как гусар. Он перепрыгивал через ступени, становился на одно колено, подавал барышне руку и шутил без остановки. В ход пошли чьи-то стихи. Часть из них имела двусмысленный характер. Часть звучала откровенно пошло. Но Елена Николаевна отчего-то не останавливала его, а все громче хохотала, явно поощряя кавалера на все более смелые подвиги. Уже дважды он поддержал ее

за талию. И один раз пробежал пару пролетов, взяв на руки. А когда поставил даму на землю, она смотрела на него таким взглядом, что он поцеловал ее тонкое голубоватое запястье долгим и выразительным поцелуем.

- Вот и купальня, - чуть запыхавшись, пролепетала она.

Черные бровки обметало розовыми пятнами, пышная грудь вздымалась от сбитого дыхания, русые пряди выбились из высокой прически.

- Владимир Иванович, вы пройдите на мужскую половину флигеля. Там есть шкаф. В нем полотенца и купальные костюмы. Они новые. Примерьте тот, что вам более по нраву, а я пойду на женскую. Встретимся возле воды.

Рядом с речным флигелем, возле входа на мужскую половину, стояла гипсовая статуя Нептуна с трезубцем. Скульптура была смешная и немного непропорциональная. Корпулентный торс морского царя едва держался на коротких кряжистых ногах, похожих на ножки табурета. Всклоченная борода торчала в сторону. Удивительным казалось то, что у размазанной, небрежно слепленной фигуры, было очень живое лицо. Особенно выразительно смотрелись глаза. Владимир даже поежился от неприятного ощущения. Ему показалось, что голова скульптуры повернулась в его сторону.

«Должно быть, мне сильно напекло голову», - подумал он и усмехнулся.

В сухом помещении флигеля Владимир довольно быстро обнаружил высокий платяной шкаф. Действительно, там висели три мужских купальных костюма. Один был белого цвета, другой, полосатый, с длинными штанами, а третий отливал синевой и походил на костюм моряка. Он был самым тонким из всех. Шерстяная ткань почти просвечивала насквозь. Его и выбрал наш смелый герой. Свои брюки и рубашку с курткой он снял и повесил на спинку стула. Снял и сапоги. Босые ступни с наслаждением ощутили теплоту нагретых половиц. Когда он надел купальный костюм и подошел к большому зеркалу, то обнаружил, что синяя ткань красиво обтянула его широкие плечи. На талии костюм зауживался пояском и переходил в обтягивающие штаны, достигающие до колена. И, о боги, этот костюм совсем не скрывал контуры его детородного органа. Чем долее Махнев смотрел на самого себя, тем скорее осознавал то, что его красавец разрастался прямо на глазах. Шерсть слегка щекотала натянутую плоть, отчего та делалась почти каменной.

«Ну, и как я выйду к даме в таком паскудном виде? Хорош гусь! Она же в обморок упадет при виде эдакой дубины. Плавать он собрался. Ну-ну!» – Владимир усмехнулся.

Он шагнул на деревянный настил влажных сеней и решительно вышел на улицу.

Купальня семейства Грабовых очень походила на его собственную, в родном и таком далеком Махневе. Деревянные ступени полого спускались к воде. Раскидистые, пышные ветлы обрамляли берег по обеим сторонам купальни. Пахло горячим песком, рачками и цветущим раakitником. Над водой золотистыми стрелками парили стрекозы. Рядом со спуском высились гнутые чугунные перила. Возле них, наклонившись к воде, стояла Елена Николаевна Грабова.

Сначала необходимо сказать несколько слов о наряде его новой знакомой. Ткань купального костюма этой дамы походила на тончайший батист оттенка светлого льна *la russe*, отороченный миленьким белым кружевом. Купальный костюм состоял из коротенькой кофточки, расходящейся ниже талии небольшими фалдами и пышных панталончиков, которые в силу спелости форм хозяйки, вовсе не топорщились, а плотно облегли осиную талию и очень круглый и спелый зад.

Владимир буквально онемел при виде такой потрясающей фигуры. Давно он не видел подобных крутых изгибов. Женщина почувствовала, что на нее смотрят, и резко обернулась. Вместе с ее движением колыхнулись тугие груди, вольно чувствующие себя под тканью столь смелого костюма. Она лишь на секунду посмотрела на Владимира, коротко усмехнулась и, сбегав по ступенькам, быстро кинулась в воду. Сильные ноги замолотили по тугой глади реки.

Владимир зашел в воду следом и с наслаждением поплыл.

«Господи, как хорошо! Мне даже не верится, что я снова очутился в божьем мире... Неизвестно, сколько продлится моя прогулка, но она потрясающая! А вдруг, это – свобода? Окончательная свобода?»

В воде он быстро догнал Елену Николаевну. Та, перебирая на глубине ногами, смотрела на него с улыбкой. Мокрые ресницы слиплись, вода стекала по нежной шее прямо на груди, всплывшие словно поплавки. Ткань и без того смелого костюма намокла и чуть сползла с покатых плеч, ослабив кружевной ворот

вплоть до острых красноватых сосков. Елена Николаевна наклонилась вперед, укрываясь от пытливого взгляда Махнева, и снова поплыла.

Вволю накупавшись, они оба поспешили к берегу. Женщина вышла первая. Мокрый костюм, оказавшийся после воды и вовсе прозрачным, обнажил тело Елены Николаевны. Сквозь ткань просвечивала темная ложбинка, рассекающая ее крупные и упругие ягодицы. Владимир в два прыжка догнал купальщицу и обнял ее сзади. Она схватила с перил полотенце и попыталась им прикрыться. Владимир ловко повернул женщину к себе. Два пушистых конца оказались в сильных руках. Он завел полотенце за талию, приблизив им стройную фигуру красавицы. Их глаза встретились. Губы Елены Николаевны приоткрылись, дыхание участилось. Владимир прильнул к ним жадным поцелуем. Скользнул языком по жемчужным зубам. Рука с силой притянула затылок. Пальцы почувствовали, как мягкая ракушка заколотых волос ослабла и распалась. Густые русые пряди тяжелым спудом обрушились вплоть до выпуклых ягодиц. Владимир намотал волосы на кулак и, удерживая трепещущую Елену Николаевну, принялся обсыпать ее более страстными поцелуями. Другая, свободная рука, с болью сжала холодную от воды грудь. К покату плечу женщины приклеился тонкий стебелек речной водоросли. Он поцеловал плечо, захватив губами стебель.

– Как потрясающе ты пахнешь!

– Как? – смутилась она.

– Ты пахнешь, словно речная лилия или кремовая булочка. Я сейчас тебя съем.

– Нет, не надо...

– Пойдем, скорее пойдем во флигель, на кровать, – страстно прошептал он.

– Владимир Иванович, я замужем. Нам нельзя...

– Как и подобает замужней даме в отсутствие супруга, именно поэтому ты надела такой прозрачный костюм? А? – страстно прошептал он, скаля белые зубы. – Знаешь ли ты, плутовка, что с такой, как у тебя попкой, вообще нельзя купаться при мужчинах? Не только купаться – с такой роскошной задницей даже по улице пройти – грех. – Обе ладони легли на её упругие ягодицы. Владимир

с силой притянул их к себе. – Да, я готов тебя растерзать прямо на этом берегу. Но тут песок. Пойдем во флигель.

Она мотнула головой, пытаясь оттолкнуть его от себя, но он не стал ее слушать. Сильным движением он подхватил женщину на руки и понес во флигель. Они не дошли до кровати. Владимир опустил ее прямо на мягкий коврик, разостланный посередине маленькой комнатки, в мужской половине флигеля. Быстрым движением он расстегнул шнуровку и крючки на ее купальном костюме. Ткань цеплялась за мокрое тело. Он торопился. Через мгновение она лежала совсем голая. Снял с себя синий костюм и Владимир. Тугой член уперся в ее круглый и холодный живот. Глаза Елены потемнели. Она сама не заметила, как тут же раздвинула полные ноги. Он вошел в нее резко. Она вскрикнула, не смотря на то, что ее лоно было мокрым и скользким. После нескольких сильных движений, он развернул ее на живот и согнул ноги в коленях. Она застонала и выгнулась, словно кошка. Она обхватывала его фаллос сильными стенками раковины и не отпускала на выходе.

«Какова барынька! Кто научил её таким штукам?» – зверея, думал Владимир.

– Леночка, – стал шептать он. – Леночка... Я в первый раз кончу быстро. Отпусти меня, я вот-вот...

– Нет, кончи в меня! Я тебя прошу. Кон-чи! Кон-чи! В меня... А...

Они полежали немного. Потом она встала и, пошатываясь, перешла на широкую мягкую кровать, заправленную шелковым одеялом. Владимир лег рядом.

– Когда приедет твой муж?

– Не раньше чем через три дня...

– Какое блаженство... Ты – роскошная женщина, Елена.

– Поласкай меня еще... – ее носик уткнулся в его плечо.

– Господи, конечно. Я весь к твоим услугам, на все три дня.

Владимир даже забыл на время о том, откуда он пришел, и где его могут ждать. Роскошное тело Елены Николаевны манило к себе немилосердно. Ее упругая белая кожа была прохладной. Он раздвинул ей ноги. Пушистый лобок был покрыт густыми темными волосами. В них застрял речной песок. Белые, выпуклые губы открылись розовым скользким зевом.

Владимир встал на колени и склонился над ними. С каким наслаждением он ласкал эту живую и трепещущую плоть языком и губами. Он лизал ее коралловые лабиринты так искусно, что она стонала, словно безумная. Лохматая голова металась по подушке. Елена закатывала от наслаждения глаза. В эти минуты ее лицо приобретало черты безумной вакханки. Она некрасиво кривила рот. Но эта игра страсти, эти гримасы животной силы природы заводили его еще сильнее.

– Да-да-да... Еще... чуть-чуть...

– Обожди, я хочу, чтобы ты кончила, когда я снова войду в тебя.

Он ввел в нее толстого гостя и стал двигаться медленно, нажимая на самый верх ее пухлого лобка. Нежные пальцы ласково перебирали твердеющую головку клитора. Кружили вокруг, двигались поперек и вниз...

Наконец, она зарычала, конвульсивно сжимаясь в порыве страсти. Жгут сильного наслаждения ударил ей в пах. Острые ногти оцарапали ему широкую спину. Бугры стальных мышц замерли от саднящей боли. Казалось, что по спине скатилась пухлая капля крови.

Владимир немного подождал, а после, преодолевая спазм узкой вагины, продолжил свои дерзкие и сильные движения.

За остаток дня они сблизились еще несколько раз. И всякий раз Владимир обильно орошал своим семенем послушное, раскрытое лишь для него лоно женщины.

В коротком перерыве Елена Николаевна накинула легкий халатик и сбегала наверх, в господский дом. Вернулась она быстро.

– Прислуга уже вся спит. Я захватила корзинку еды и две бутылки вина, – скороговоркой сообщила она.

Они с наслаждением поужинали пирогами с белорыбицей, гусиным паштетом, персиками, свежим маслом, сыром и запили всю эту трапезу отличным вином.

Елена прижималась к нему всем телом и шептала слова любви.

– Я обожаю тебя, Владимир! У меня никогда не было любовника лучше тебя.

– А были другие? – деланно нахмурился Владимир.

– Один раз... Я согрешила с нашим прежним приказчиком. Супруг давно его рассчитал, когда заподозрил неладное. Он и молодого конюха убрал.

– Можно понять твоего Ивана. Иметь такую роскошную женушку! Чего только попка твоя стоит! – он принялся дурашливо кусаться и щипать ее.

– Ой, Лоденька, я, кажется, расцарапала тебе спину.

– Ничего, милая. Такие ранения украшают мужчину.

– Володя, смотри, какая луна. Я иногда люблю плавать по ночам. Пошли еще раз искупаемся нагишом.

– Пошли, моя наядя. Я посажу тебя на свой х*й прямо в воде.

Она смутилась.

– Володя, не говори таких слов...

– Ну, что ты, милая Ленушка! Эти-то слова и есть – самые важные, когда люди страстью одержимы. Без них любовь пресна, как уха без соли. И твое местечко сладкое, как я должен именовать кроме как – «королевой пи**ой»? Самое хорошее, самое верное это слово. Ничего лучше не придумано. Ничего слаще не звучит! Слух ласкает, и х*й на подвиги поднимает это заветное слово. Красивее

и звонче его нет ничего в этом мире...

– Как ты говоришь... Стыдно, а сладко... – ее синие от страсти глаза увлажнились – Я люблю тебя!

Они пошли купаться. Перед самым выходом, в свете оплывшей свечи, одиноко стоящей на столе, Владимиру показалось, что в окне нарисовался силуэт лохматого Нептуна.

«Но, он же стоял возле входа? Опять мне мерещится всякая ерунда».

Он мотнул головой, и Нептун куда-то испарился.

Голые тела двух любовников белели в серебристом потоке луны. Елена, подобно прекрасной наяде, плескалась недалеко от берега. Он наблюдал за ней.

– Ой, Володя, здесь рыба! – взвизгнула она.

– Смотри, чтобы ничего не заплыло в твою распрекрасную песенку. Вылазь, я ее снова приласкаю.

Они любили друг друга и на берегу, возле мостков. Потом он сбегал во флигель за масленкой с маслом и заставил ее опереться обеими руками об перила. Она с силой закусил губу, а он, обильно смазав анус красавицы вологодским маслом, вогнал свой член и в ее нетронутые задние врата.

– У тебя это было с кем-то? – задыхаясь, спросил он, не останавливая сильных толчков.

– Нет! Не-ее-еет! – стонала и хныкала она.

– А ты хотела? – шептал он в самое ухо, накручивая её волосы на кулак. – А? Говори...

– Не знаю...

– Знаешь, сучка! Ты все это хотела! – скалился он. – Не крутись! Тебе не уйти от моего тарана! Твой зад приспособлен для этого лучше других. Тебя надо *бать долго и по-разному. Сейчас я кончу тебе и в попку... Ты этого хочешь?

– А?... Да-аа-ааа! Да! Да! – рычала она, удивляясь новым, неведомым ранее ощущениям.

– К приезду твоего Вани, я разь*бу тебе весь зад! Сидеть не сможешь...

– Да! Сделай так... Я не смогу! Сильнее! *би, меня сильнее! О!

Почти одновременно они кончили, задыхаясь от страсти.

Едва добравшись до флигеля, оба любовника уснули в объятиях друг друга.

Ранее утро разбудило их веселым щебетом птиц. Речной ветерок к утру приятно охладил деревянные стены старого флигеля. Елена даже замерзла. Во сне она укрылась старым пледом.

Резким движением он сорвал с нее плед. Владимир даже не дал Елене пошевелиться. Он тут же залез на нее, раздвинул теплые колени, и с силой вколачивая член в теплое лоно, кончил.

– Володя, у меня уже там все болит.

– Если бы ты жила со мной, у тебя бы все время болела пи*да. Так положено – ходить бабе с опухшей пи*дой. Если это место не болит, значит – никудышный муж.

– Ну, по-моему, ты преувеличиваешь... – тихонечко шептала она.

– Я? Нисколечко. Сегодня я буду мучить тебя весь день. И не будет тебе пощады. Сейчас сходи в туалет. Потом мы немного позавтракаем, и я начну тебя мучить, – широко улыбался он.

Она встала и потянулась, вскинув полные руки.

- Какие роскошные у тебя груди.... - он наклонился и поцеловал её соски.

- Лодя, дай мне одеться. Я должна сходить в усадьбу. Дать всем распоряжения и принести нам завтрак. Ты пока отдохни, любимый. Я скоро.

Через час она вернулась, одетая в свежее платье, смахивающее на простонародный сарафан. Оно свободно колыхалось поверх крутых изгибов роскошной фигуры. Сборки легкой ткани шли от груди, делая лиф настолько объемным, что Владимир невольно крикнул. Глубокое декольте открывало вид на два холма, цвета парного молока. По красному полю ситца шли миленькие белые цветочки. Из-под длинного подола выглядывали белые туфельки на каблучке. Елена успела даже слегка подвить несколько локонов своей роскошной прически и припудрить маленький носик.

- Ты надела это красное платье, чтобы мой бычок совсем сошел с ума?

- Нет, - смеясь, ответила она. - Лодя, садись завтракать. Я принесла тебе маковых кренделей, окорока, фруктов, огурцов, колбасы, рыбы, вина. Нам хватит с тобой почти на весь день.

- Я заметил, как ты меня называешь нежно: Лодя...

- Да, мне так нравится... Ты не против?

- Нет, - улыбнулся он.

Сначала они позавтракали. Потом долго лежали в постели и нежились, мило разговаривая о всяких приятных глупостях. Наконец он не выдержал.

- Снимай сарафан.

- Под ним ничего нет! - рассмеялась проказница.

- Даже панталон?

- Даже панталон.

– Ты умница! Снимай.

Она легко скинула красное полотно и вышла в одних туфельках на середину комнаты.

– Обожди... – пробормотал он, рассматривая ее с нарастающим вождением.

Он кинулся в сени. Там стоял обшарпанный сундук, в котором хранился речной фонарь, длинный багор, несколько ведер и моток новой веревки.

– Вот то, что мне надо! – потрясая веревкой, провозгласил Махнев.

– Зачем? – ее глаза округлились от удивления.

– Я хочу тебя связать...

– Ой, не надо...

– Тебе понравится.

Он осмотрелся вокруг. В глубине комнаты стоял кованый сундук, покрытый плетеной кошмой. Он перетащил его на середину комнаты.

– Я давно заметил, на потолке имеются отличные крепкие балки, и они невысоко. Они послужат нам хорошей дыбой.

– Дыбой? О чем ты, Володя! – она испуганно пятилась назад.

– Не бойся! Я не причиню тебе вреда. Мы просто поиграем. Раздвинь ножки и садись на этот сундук. А твои руки я свяжу вместе и подтяну тебя чуточку кверху. Если станет больно, я опущу тебя. Обожаю беспомощных женщин. Я стану тебя ласкать так, как никто и никогда ранее. Хорошо, что веревка новая и мягкая. Тебе не будет больно.

Довольно быстро он связал ее тонкие запястья вместе. Встал на стул и, подтянув выше, перекинул веревку через мощную потолочную балку. Елена Николаевна

оказалась притянутой кверху за обе руки. Она беспомощно ойкнула и попыталась свести ноги. Но это было невозможно. Ее ноги были расставлены широко в стороны, белые груди, сдавленные с двух сторон руками, выкатились двумя торчащими шарами. Соски вмиг отвердели. Владимир подошел к ней сзади и принялся теревить их пальцами. Она застонала. Одной рукой он чуть пощипывал надутые груди, другая ладонь спустилась к мокрой расщелине.

- Я буду ласкать твой секель и соски... Но кончить тебе сейчас не дам.

- Почему? - задыхаясь, спросила она.

- Почему? А потому, что моя умная девочка снова захватила масленку...

- Но, я же для маковых кренделей...

- Нет, милая, вчера тебе понравилось то, как я любил твою попку. Именно поэтому, ты снова принесла с собой масло. А сегодня я засуну в твою пи*ду самый толстый огурчик, а сам войду в попку. И ты потеряешь сознание. Я тебе обещаю...

Сначала коварный Владимир долго теревил и покусывал ее груди. Одновременно с этим он ласкал распухший клитор. Елена Николаевна закатывала от истомы глаза и стонала во все горло.

Ловко двигая веревкой, Владимир немного приподнял ее роскошный зад и ввел в скользкое нутро довольно толстый огородный огурец. После этого он заставил Елену сесть плотнее и попрыгать на нем. Елена сходила с ума от неопишуемого наслаждения.

- Володя, ты демон! - в порыве страсти крикнула она. - Демон! Ты не человек!

И вместе с ее криком за окошком раздался гром.

- Кажется, гроза начинается, - пробормотал он. - До этого парило, и ласточки низко летали.

Ее слова, как ни странно, обрадовали его. Ему даже показалось, что его мощный приап налился поистине свинцовой тяжестью. Его он и направил в умащенный маслом багровый тоннель Елены. Она вскрикнула и забилась в конвульсиях. Одновременно с этим он продолжал ритмично ласкать ее розовую горошину, распухшую до невероятных размеров.

Елена уже не стонала... Она скорее выла от неопишуемого экстаза. Когда внутри ее разорвался огненный шар, ее голова упала на грудь. Как и обещал Владимир, Елена Николаевна была без сознания. Сразу за ней бурно кончил и он сам и зарычал подобно страшному зверю.

Спустя час они лежали в кровати. Он нежно целовал ей покрасневшие от веревки запястья и шептал слова любви. За окошком мерно стучали капли летнего дождя.

- Тебе не было больно?

- Нет, мой хороший. Это было волшебно...

- Я иногда бываю груб...

- Нет же! Ты лучше всех! Боже, как хорошо... - шептала она, не стесняясь. И слезы восторга катились по ее щекам.

- Володенька, как я теперь стану жить с Ваней? Ты ведь изменил меня всю. Я же до самой смерти никого другого не люблю.

- Смерти нет, душа моя, - спокойно отвечал он.

- Я же когда умру, то буду сидеть на облачке и ждать тебя.

- Не жди, - вдруг сказал он и встал.

Он подошел к окну. Серое от туч небо висело низко над землей. Дождь монотонно барабанил по стеклу. Старая оконная замазка не справлялась с потоками воды - на мелкий подоконник натекли рыжеватые лужицы. Рядом стоял горшок чахлой герани, обернутый в папиросную бумагу.

«Какая здесь всюду тоска! Ну почему эта земля дышит ею из года в год? Россия! В какой-нибудь Италии или Франции даже дожди идут иначе. И все равно – именно сюда меня так тянет всем сердцем. Тянет до боли. Вы, господин смотритель, спрашивали меня, где бы я предпочел родиться в следующий раз? Да, где же еще, кроме как здесь? Ибо печаль эту звонкую впитывает каждый русский с молоком матери. Он наполняется ею с первыми шагами по этим лугам, полям и вольным травам. Он вбирает ее с каждым глотком воздуха. Он видит ее в глазах нищих возле паперти. Ею лучатся большие глаза коров. Ею полны глаза русских женщин. И нет ничего чище и святее этого. Родина. Куда я от тебя?»

– Нет, нет, Володенька, Лодя, Лоденька! – она встала рядом. – Я знаю, что мы теперь долго не умрем. Мы будем жить долго-долго и тайно встречаться. Хорошо?

– Конечно, – тихо отвечал он. – Мы непременно будем встречаться...

– Давай пить чай.

– Давай.

Они растопили самовар, и совсем по-домашнему, она завернутая в простынь, он в одних лишь брюках, сидели напротив друг друга за круглым столом и пили чай с маковыми кренделями. За окном тихо барабанил дождь. И ее голубые глаза казались ему такими синими и бездонными.

«Как сейчас эта женщина похожа на Глашу. Та тоже, вот так, мечтала жить вместе, в тихой глубинке. Рожать детей... Тогда мне все это казалось скучным до удушья. А сейчас? Сейчас бы я с радостью остался жить даже с этой милой Леночкой. Что за загадка таится в женщине? Зачем их создал господь? Не для того ли, чтобы наполнять этот мир чуть видимым порядком и чувством гармонии? Или, напротив, хаосом? Или мои порывы ложны и вызваны лишь тоской по всему живому? Я призрак? Или нет? Она этого не чувствует, значит – я живой. А она? Перестань, Махнев... Эдак недолго ощутить привкус тлена на губах. Может, рядом со мной сидит такой же мертвец?»

Его спина покрылась липким потом. Он посмотрел в бездонные глаза его новой знакомой. И от сердца вновь отлегло. Елена Николаевна была теплой и живой.

Красным пятном на бледном личике темнели искусанные в страсти губы.

– Кажется, дождик заканчивается, – пролепетала она невинно. И посмотрело в окно.

Луч солнца посеребрил завиток у нее на плече. Сумрак комнаты рассеялся.

– Пойдем снова купаться? – с улыбкой предложила она.

В воде он поймал ее, словно русалку, за длинный хвост распущенных волос, и посадил на свой горячий член. Подобно двум поплавкам они качались друг напротив друга, пока она не выгнулась, поддав тяжелой грудью. Речная округа вздрогнула от дикого крика. Ее безумие подхватило тихое эхо, разложив все звуки на чужеродные тона то ли тюркского, то ли скифского толка и унесло за лесной горизонт. А голубые глаза Елены Николаевны разом потемнели, обнажилась хищная полоска верхних зубов, а полные щеки осунулись. Страсть пробудила в ней кровь далеких татарских предков. И кровь та корнями проросла в тягучую воронку прошлого, где прабабушку Елены взял силой хитрый хан.

Ближе к вечеру он еще раз связал ее. На этот раз он привязал ее к круглому обеденному столу. Ее раздвинутые ноги оказались возле его головы. Она походила на диковинное блюдо, огромную сильную рыбину или пойманную птицу с раскрытым всему миру нутром. Распластанную и готовую на дальнейшие безумства. Обе её ноги были притянуты веревкой к животу.

– Сейчас я познакомлю тебя с еще одной лаской, от которой ты улетишь на небеса, – с улыбкой пообещал он.

– Владимир, я больше не могу, – она закатила глаза.

Мягкий живот покрылся испариной. Длинные пряди распущенных волос прилипли к полному телу.

– На улице сильная духота. Мне кажется, что к ночи начнется настоящая гроза, – сказал он.

В комнате стоял полумрак. Лишь бронзовый подсвечник потрескивал тремя восковыми свечами.

Он сел рядом со столом и начал целовать ее круглый живот. Его тонкие и проворные пальцы нырнули к распахнутому лону и принялись ласкать розовую скользкую плоть. Ее бедра напряглись и качнулись навстречу. А потом он сделал совершенно неожиданную вещь. Широким ртом Владимир захватил носок ее голый стопы и начал ласкать по очереди все пальцы. Но более всего он задержался на больших. Она захлебнулась от невысказанного восторга.

– Это то, о чем я тебе говорил. Я буду сосать божественные пальчики твоих восхитительных ножек и одновременно ласкать секель.

– О, боже! Разве это возможно?

– Как видишь... – чуть оторвавшись, произнес он.

– Нет. Так не бывает. Это невысказанно. Мне остро, мне больно... В животе тукает... Там молния. Она идет от пальцев туда... Мне безумно... Мне хорошо! Володя, ты демон... О-о-оо-ооо! – извивалась она.

– Нет, до демона мне еще очень далеко, – с улыбкой отвечал он, продолжая свои безумные ласки. – Смотри, какие сладкие и нежные у тебя пальцы. Розовые ногти. А форма... Она божественна.

Пламя свечи выхватывало мокрые носки сжатых в истоме стоп, розовые, тонкие пластины овальных ногтей. Она судорожно сжимала их, охваченная безумной паникой, стыдилась такой интимности, и в тоже время, желала её всей душой. Мягкий живот ходил волнами, принимая на себя пики невысказанного сладострастия. И снова были крики. Крики счастливой женщины.

Спустя час они предавались похоти иначе. Теперь она ласкала его фаллос горячим и мокрым от поцелуев ртом, а в ее промежности снова торчал зеленый огурец.

В этот самый момент старенький флигель дрогнул от удара очередной молнии. Раздался камнепад хрусткого грома. Возле реки бушевала сильная гроза. Потоки

воды затекали даже в мелкие сенцы.

Внезапно дверь из сеней распахнулась настежь, молния озарила... стоящую напротив двери статую Нептуна с трезубцем в руках.

– Боже! Леночка, это мрачное гипсовое чучело не дает мне покоя! Что за чертовщина творится у вас тут? Прямо-таки «каменный гость», пришедший к Командору!

Она едва оторвала голову от его члена. Громкий крик Елены Николаевны соединился с очередным ударом грозы.

– Ваня?! Ты?! – только и успела прошептать блудница, как тут же лишилась чувств.

Владимир посмотрел в проем – вместо фигуры Нептуна он увидел невысокого толстяка, коренастого телосложения, в руках которого поблескивали обычные деревенские вилы.

– Убью! – послышался зычный окрик.

– Надо полагать, что вы вернулись? – растерянно улыбаясь, прошептал Владимир. – Грабов Иван Петрович? Будем знакомы.

– Убью!

– Ну, зачем вы так? – Владимир едва успел отскочить от направленных на него острых вилок. – А мы вас еще не ждали сегодня... И вот, стало быть, такой конфуз вышел.

– Конфуз???!!!

– Право, как порядочный джентльмен, я готов к сатисфакции. Завтра я буду к вашим услугам, господин Грабов. Готов стреляться. Утром секундантов... готов...

– Сатисфакции?? Дуэль? А вот это ты видел, сукин ты сын? – перед физиономией спешно одевающегося Владимира нарисовался толстый рыжий кукиш с темным

не стриженным ногтем. – Дуэль тебе? А хрена не надо?

– Ну, тогда отпустите меня с миром. С кем не бывает? Все мы грешим понемногу...

– С кем не бывает? Вот такого-то паскудства? – он кивнул на тело бездыханной Елены Николаевны, все еще привязанной к столу, в промежности которой торчал злополучный огородный огурец. – Ах ты, каналья! Ах, подлец! Я не посмотрю на то, что мы с тобой когда-то дружбу водили в студенческие годы. Я... я... я поутру тебя кастрирую. И лишь потом отпущу. Ты понял?

Налитыми от злости глазами, Грабов рассматривал пышные формы своей обещенной супруги и качал головой.

«И все-таки, кто он таков? Убей, не помню я его по юности... – думал Владимир. – И как же он похож на статую этого дурацкого Нептуна. Очевидно, слеплен был сей божок «по образу и подобию». Надо же! Как гнусно я обремизился! А вдруг и вправду отхватит мне хозяйство? С этого идиота станется!»

Рядом с хозяином оказались два помощника – один помоложе и крепче – он тихо посмеивался в усы и, не стыдясь, рассматривал сдобные прелести расхристанной барыни. Другой был старше, с седой шевелюрой и красным от водки лицом.

– Федот, прикрой барыню пледом и развяжи...

Он наклонился к уху Елены Николаевны.

– С тобой, блядь, будет особый разговор. Теперь тебе веры ни в чем не будет. Выпорю так, что сидеть не сможешь. Оденься, сучка...

Что было далее, Владимир помнил плохо. Красномордый подскочил к нему и что есть дури саданул кулаком по лицу. В глазах у Махнева потемнело, и он отключился на какое-то время. В ушах слышались гулкие стуки и монотонный плач Елены Николаевны. Очнулся он лишь на улице – его волоком, за шиворот, тянули по мокрой траве. Ткань тонкой рубашки треснула.

– Тяжелый черт! – злясь, посетовал молодой. – Федя, облей его водой. Пусть очухается, да сам идет ногами. Не волоком же его по ступеням тащить.

Владимир почувствовал, как его облили речной водой из какого-то ведра. Гроза к этому времени стала утихать.

– В кои веки раз довелось барину в рыло дать! – злобно похвалился красномордый.

– А завтра, Федя, ждет тебя еще одна радость: ты этому кобелю хозяйство будешь отсекать.

– Тут я не мастак. Пусть Иван Петрович скопца позовет. Тот знает, как это дело лучше справиться. Там железо надо калить и прижигать. А не то – изойдет кровью, а меня потом за эту рожу холеную на каторгу.

– Не бойсь, раз хозяин велит, значит, знает, что безнаказанно пройдет. Никто ничего не докажет.

Владимир попытался вяло возразить:

– Господа, вы что, в самом деле, решили на такое преступление пойти? Вас же арестуют. И очень даже все докажут! У меня же связи в суде и в полиции. Да вас за такое...

– Молчи! – красномордый снова ударил Владимира по лицу и несколько раз пнул его в живот.

Владимир задохнулся от острой боли. К боли присоединился панический страх: какие скопцы? Какое железо? Они точно все рехнулись.

Когда они были уже наверху, вблизи имения Грабовых, хозяин подошел к Владимиру и мужикам, ведущим его под конвоем.

– О том, чего видели во флигеле, молчать! Если проболтаетесь что худое про барыню – языки живьем вырву, пальцы отрублю и глаза выколю. Этого в чулан. Утром наказывать его станем. На конюшне дальней. Все там и сладим.

– В гости его позвал, как порядочного. Тьфу! – Грабов сплюнул себе под ноги. – Ну, ничего, завтра я с тобой сполна поквитаюсь. Поживешь кастратом – будешь знать, как с чужими женами греховодничать. А еще сочинитель!

– Послушайте, Иван Петрович, ну вы же образованный человек! Откуда такие языческие замашки? Я готов просить у вас прощения, если вы не желаете дуэли. Я виноват перед вами, честное слово! Но разве вам станет легче, ежели вы меня изувечите?

– А вот представь, что станет... Намного легче. И, кстати, давно хотел тебе сказать, что стишки ты пишешь паршивенькие. Бесталанные стишата. Такие стишата даже для местной газетенки не годятся!

– Пускай я скверный сочинитель. Но увечить-то меня все же... слишком! Ну, вас же осудят на каторгу за подобное деяние.

– Кто тебе сказал? Чем ты докажешь, что сие у меня произошло? А? Да тебя здесь никто не видел. Свидетелей-то нет. А слуги мои – могила. Я бы убил тебя, каналья. Но больно мне сладка иная месть! Хочу поглядеть на тебя спустя год – как в скопцах тебе житься будет. Я и в юные лета знал, сколько премилых барышень ты обесчестил. Знал, да помалкивал. Но теперь сам бог тебя в мои руки привел. Да и я сам уже не тот безусый Грабов, каким был в юности. Злости – то за эти годы подкопил. Так что, будь спокоен.

– Да, подождите же вы...

Но его уже не слушали.

Владимира бросили в какую-то крепко-срубленную постройку, наполовину вкопанную в землю. И закрыли за ним засов. В темноте он запнулся и упал на пол, едва припорошенный сеном. Тут же располагались какие-то бочки, ящики и другая хозяйственная утварь. Противно пахло гнилой картошкой и тухлой капустой. Вокруг стояла кромешная тьма. По сапогу что-то шоркнуло, в темноте раздался писк. Из угла загорелось с десяток красных глаз.

«Черт! Это же крысы! Как я ненавижу крыс! Идиот, как я умудрился вляпаться в такую паршивую историю? А если они и вправду меня того? – не смотря на

сырость и холод, спина вмиг взмокла. – Никто же не видел меня здесь. Свидетелей нет. Этот кадавр, на коротких ножках, может даже меня убить. Никто и искать-то не станет. Как мне выбраться отсюда? Мне нужна дверь... Черт! Не дверь, а рама этой картины. Через нее я влез сюда. Она на холме, выше луга с беседкой. Как я мог про нее забыть? Завтра надобно изловчиться и попытаться сбежать. И домой, к Виктору! Лучше туда, чем к скопцу с секирой».

Махнев на ощупь попытался обследовать стены и дверь. Дверь была очень толстой и крепко лаженной, на мощных металлических петлях. Плечо уперлось в створ. Но все было бесполезно. Владимир попинал дверь сапогом, но она даже не шелохнулась.

«Добротные двери в твоём хозяйстве, господин Грабов, – с горечью констатировал Владимир. – Добро замуровали, ироды...»

Он шугнул крыс и присел прямо на пол. Голова склонилась к деревянным ящикам. От всего пережитого Владимир и сам не заметил, как задремал.

Проснулся он от того, что услышал скрежет открывающегося замка. Сердце упало в пятки. Неужели уже утро и казнь?

Яркий луч света ударил из щели. А вместе со светом в чулан ворвался свежий утренний воздух.

В проеме мелькнул до боли знакомый образ.

– Лена! Леночка... Ты? Они хотят меня... изувечить.

– Я знаю! – горячо зашептала она.

– Ты как здесь?

– Я своровала ключи у мужа и бегом к тебе.

Она прятала от него подбитый глаз. На голове у Елены Николаевны был надет платок с кистями. Лицо казалось бледным и испуганным. Она вся сникла и пригорюнилась.

– Еще шесть утра. Муж пока спит. Он пил почти до рассвета. Его помощники тоже спят. Беги, любимый. Беги на станцию. Там возьми лошадей. И в свою губернию. Скачи, милый. Убегай!

Она крепко поцеловала его мокрыми от слез губами.

– Он сильно побил тебя?

– Нет. Ударил раз по лицу. А потом лишь насильничал грубо. Он, на самом деле, любит меня.

– Я понимаю его.

– Времени мало... Беги! Я не знаю, сведет ли нас когда господь, но знай, что я всю жизнь буду помнить тебя и любить до гроба! – она заплакала.

– Эх, Елена Николаевна, да кабы вы знали... Я не так хорош. Я совсем не хорош.

– Молчи, Лоденька! Лучше тебя нет никого на свете! Всю жизнь буду молиться за тебя.

Она вытолкала его из чулана. Он крепко поцеловал ее и побежал в сторону березовой рощи. За ней располагался тот луг, выше которого шел холм. На холме должна быть заветная дверь. Не дверь, а рама картины. Надо было спешить.

«Разве я могу сказать ей, откуда пришел. Пусть думает, что я побегу на станцию. Если бы я рассказал ей всю правду, она сочла бы меня сумасшедшим. А как бы хотелось ей открыться во всем».

Он несколько раз обернулся, запнулся и упал. Она стояла возле приземистого беленого чулана и махала ему рукой. Владимир поднялся на ноги и снова бросился бежать. Последний раз ее стройная фигурка мелькнула вдали. Ноги несли его быстрее ветра. Вот и роща оказалась далеко позади. Впереди он увидел знакомую резную беседку. Миновав душистый луг, наш Казанова взбежал на пологий холм. Выше и выше. Где-то здесь должна быть дверь. Рама той картины, в которую он вошел. Она темнела тогда угольной чернотой. Где

она? Он лихорадочно осматривал все окрестности. Темного проема нигде не было. Все пространство было пронизано утренним свежим воздухом. Холм был пуст, как в момент творения.

«Может, это не тот холм?» – лихорадочно думал Владимир, вытягивая шею.

Но, увы, на огромном пространстве вокруг не было даже и признаков наличия какой либо двери.

«Я пропал! Куда мне бежать? Может, и вправду на станцию?»

Позади себя он услышал чье-то дыхание и спешный говор. Он оглянулся. К нему бежали двое вчерашних стражников господина Грабова. У молодого и здорового в руках было ружье, а у второго топор.

– Сто-оо-оо-ой, гад! Стой! Некуда тебе бежать. Не туда побег. Станция-то совсем в другую сторону. А за лугом у нас обрыв и речная протока. Дурня!

В два прыжка они догнали Махнева. Наподдали ему тумачков, разбили нос и, связав, снова потащили в чулан.

– Это хозяйская жинка его освободила. Больше некому, – пояснял громила красномордому, с топором.

– Неужто мужа послушалась?

– Не нашего ума дело. Меньше языком чеши.

– Вы куда меня? – нервно спросил Махнев.

– Профитроля тебе вышла небольшая. Еще сутки в чулане будешь сидеть. К хозяину в гости почтмейстер завернул. До завтрашнего утра останется гостить. Ну, а ты время даром-то не теряй, – противно осклабился здоровяк. – Дуню Кулакову погоняй вдоволь, в последний-то раз.

Оба мужика противно захихикали.

– Господа, отпустите меня! Я очень богат. Я в долгу не останусь, – попытался торговаться Махнев.

– Ты слышал, барин, какую кару нам наш хозяин посулил? А он у нас – кремень. Скажет – исполнит. И зачем нам, слепым и беспалым, твои деньги? Нет, уж. Извиняй! Сам виноват. Не надо было с чужой женой любодействовать.

– Да ладно бы просто, – тише добавил красномордый. – Может бы, просто застрелил тебя хозяин. Так нет же – ты так затейно с ней греховодничал, что барин наш сам не свой второй день ходит. Горькую пьет. Не пощадит он тебя.

Они втолкнули пойманного Владимира в чулан, оставили ему кувшин с водой и краюху горелого хлеба.

Что пережил за сутки Владимир, трудно описать словами. Ему казалось, что на рассвете следующего дня его выведут из чулана седым.

Но вышло все иначе. Он дремал, когда за дверью раздался грохот ударов, матерная брань, возня, и что-то металлическое садануло по крепкому замку. И вдруг, словно глас ангела, вещающего о спасении, Владимир услышал знакомый до боли голос:

– Твое благородие, Владимир Иванович, ты тут? – это был голос Макара.

– Макар! Макарушка, родненький, тут я! Тут! – Владимир чуть не зарыдал от счастья.

Дверь распахнулась, впустив в кромешную тьму сарая ночной свежий воздух и свет яркой земной луны.

– Как же, твое благородие, тебя угораздило в историю-то вляпаться?

– Сам не знаю. Дурак, наверное. Барышня больно хороша была. Любовь у нас с ней вышла.

– Эх, Владимир Иванович, сколько раз я говорил тебе: «баба – что жаба». Бог создал три зла: бабу, водку и козла.

– А козел-то причем? – глупо спросил счастливый Владимир.

– Да, не причем. Поговорка такая, – улыбался румяный купчишка. – Ну, чего? Побёгли, что ли? Пока не хватились нас всем гуртом.

Только тут Владимир заметил, что возле чулана сидел оглоушенный здоровяк, стороживший Владимира.

– А куда, Макарушка?

– Как, куда? Домой. Из картины долой.

– А где она?

– Да, на холме в последний-то раз стояла. Бежим.

И они побежали по лесу, обдирая в кровь руки. Местами на ощупь, подобно двум юным козликам. Макар крепко держал Владимира за руку. Яркая луна хорошо освещала дорогу. Наконец они миновали знакомую до боли беседку, приблизились к залитому лунным светом холму. И о чудо! На самой вершине холма стояла знакомая дверь. Теперь, в летней ночи, она отчего-то светилась дневным светом.

Наши друзья вскарабкались наверх пологого холма и забежали в открытую дверь. Как только Владимир упал на пол своей родной уже комнаты, за ним ввалился и Макар. Владимир оглянулся и тут же захлопнул за собой дверь. С картиной, висевшей на стене, произошли странные метаморфозы. Изображение вмиг перестало быть объемным. Рама уменьшилась прямо на глазах. Друзья с удивлением обнаружили на ней обычный летний пейзаж – голубое небо, зелень летнего луга, полоска леса вдали, и облик стройной барышни в розовом платье, скупающей в белой резной беседке.

Как только картина уменьшилась и стала обычной, исчезла и тропа из примятой травы, ведущая к ней. Теперь пол сиял полнейшей чистотой.

Владимир дрожащими руками тут же снял картину со стены и положил ее рядом с собой, на кровать. Макар удивленно потрогал на ней краски. Это было масло,

на холсте. Макар даже лизнул край сего дивного пейзажа.

- Да... твоё благородие. Сколько здесь живем, столько и дивимся.

- Макар, сейчас бы выпить, - Владимир огляделся.

У прикроватного столика вдруг обнаружилась пузатая бутылка старинного коньяка и две рюмки. Владимир быстро откупорил бутылку и налил себе и Макару по полной.

- Ну, давай, за твое чудесное спасение! - усмехнулся Булкин.

- Давай! Я хочу выпить за тебя... - глаза Владимира увлажнились. - Если бы не ты... Я даже боюсь произнести вслух, чтобы со мной было, если бы не ты. Расскажи, как ты меня нашел?

- Я? А я выспался вдоволь и решил пойти к тебе, Владимир Иванович. В гости. На дворе ночь была тогда. Скучно стало.

И только тут Владимир заметил, что долгая ночь закончилась, и за окном тлел местный, чуть притухший день.

- Ты продолжай, дорогой. Только я на одну минутку прерву тебя. Я хочу убрать этот шедевр мирового искусства куда-нибудь подальше.

- Да, вынеси ты эту дрянь на улицу и сожги на заднем дворе, - предложил бесхитростный Булкин.

- Что ты! Это - творение самого Виктора. Прав у меня нет, такие дела с великим полотном производить! - у Владимира все еще тряслись руки, и дрожал голос. - А потом, там она...

- Как ее зовут?

- Елена Николаевна. Леночка... - Владимир всхлипнул. - Знаешь Макарушка, я засуну эту картину пока что за шкаф с одеждой. Пускай там побудет. Правда?

– Конечно, пускай!

Владимир еще раз бегло глянул на пейзаж, взял из шкафа чистую простынь и обернул ею картину. Потом он аккуратно засунул ее в щель за шкафом. Тяжко вздохнул и присел к столику.

– Макарушка, спасибо тебе, родной. Никого ближе тебя у меня здесь нет.

– Да ладно, чего ты, твое благородие? Не конфузь меня. Я здесь какой-то плаксивый стал. Чуть что – сразу сердце ныть начинает, и слезы текут.

Они выпили по второй.

– Расскажи, дорогой, что далее было? Как ты меня нашел?

– Ну, как... Пришел я к тебе. Постучал в ворота. В ответ тишина. Думаю – зайти, так чудища там твои, поди, нападут, охранники. Постоял я. Помялся. Уже была такая мысль, уйти восвояси. Но будто кто подтолкнул меня: а вдруг с Владимиром Ивановичем чего стряслось? Вдруг, помощь моя требуется? Я открыл калитку решительно. Глянул, а горгулий твоих и нет. Думаю, наверное, погулять в лес ускакали, окаянные. А мне оно на руку. Я шмыг напрямиком к дому. Взбежал по ступеням. Дверь открыта. Я в горницу. Нет тебя там. Я на второй этаж. Прямиком в спальню. Гляжу, мать честна, а на стене дверь стоит, и свет из нее лунный идет, и дух травяной, да свежий. Как у нас в деревне. Я и шагнул в нее. Понял отчего-то сразу, что ты ушел именно туда. Подумал еще: здесь такой воздух медовый, росистый. Как Владимиру Ивановичу туда не уйти? Гляжу: на холме оказался. Я покричал тебя – вдруг ты где рядом, на травке прикорнул. Нет. В ответ снова – тишина.

Макар еще налил себе и Владимиру коньяку. Владимир с интересом слушал своего друга и кивал головой.

– А дальше смотрю – беседка белеет в темноте. Я к ней, потом по лесу пробежался. Тебя всюду кликал. Только эхо ночное, да филин мне и отвечали. Глянул – за лесом забелели дома господские. Эге, смекнул я, тут усадьба чья-то богатая. Наверное, там мой Владимир Иванович и гостит. Так кумекаю, а у самого отчего-то предчувствие нехорошее на душе еще больше растет. Решил я действовать аккуратно. Приблизился к окнам главного дома. Комнаты все

пустые, кое-где свечи горят. Но нигде тебя нету. В одной из комнат увидел я женщину молодую и мужчину толстого. Лицо у него было злое. Через окно неслышно, о чем они говорят, но вижу: ссорятся. И женщина эта тяжело плачет.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Андреевский крест представляет собой довольно габаритную установку для фиксации человека во время БДСМ-сессий. Крест получил свое название «Андреевский» после того, как на таком кресте распяли апостола Андрея. В дальнейшем его использовали как орудие пыток, что и предопределило его использование в качестве атрибута для БДСМ-игр. Андреевский крест представляет собой приспособление из двух досок около двух метров в длину, которые соединены накрест.

2

Фильдекос – (от франц. fil d'Ecosse шотландская нить) туго скрученная хлопчатобумажная нить из лучших сортов хлопчатника, имеющая шелковистый блеск; трикотажное полотно из этой нити для изготовления чулок, перчаток.

3

Glans clitoridis – головка клитора (латынь).

4

Uterus orgasm – маточный оргазм (латынь).

5

Сканза – название, которое употребляет готский историк Иордан в своей работе «О происхождении и деяниях гетов», для обозначения острова, лежащего в северной стороне огромного моря, которое, в представлениях средневековых авторов, омывало «круг всего мира».

6

Морриган – у ирландских кельтов богиня-воительница. Представала в образе отдельного божества, а иногда как триипостасная богиня. Сама Морриган обычно не принимала участия в битвах, но непременно присутствовала на поле боя и использовала свою силу, дабы помочь той или иной стороне. Также её называли «Великая Госпожа Ворон» и «Великая королева».

7

Вальхалла – в германо-скандинавской мифологии небесный чертог в Асгарде для павших в бою, рай для доблестных воинов.

8

Friggjargras (трава Фригг). Произрастающее в Исландии растение – гренландская ночная фиалка – получила имя одной из самых известных богинь скандинавского пантеона. Фригг, супруга Одина и мать Бальдра, известна нам по общим источникам скандинавской мифологии.

9

Из стихотворения «К другу-стихотворцу» (1814) А. С. Пушкина.

Купить: https://tellnovel.com/lanitova_lana/mihaylovskaya-deva

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)